

Лариса Ханкишиева

РАЗЛОМ

Лариса Ханкишиева

Разлом

«Моя Строка»

2019

Ханкишиева Л.

Разлом / Л. Ханкишиева — «Моя Строка», 2019

ISBN 978-5-907006-98-0

«Было начало августа. Я сидела за компьютером и печатала статью. Дело продвигалось медленно: хотелось произвести впечатление сенсационными выводами, но было недостаточно данных для подтверждения моей гипотезы. Совсем немного нужно было для победы, для свершения таинства открытия, достижения желанной черты, где, как мне казалось, начиналась свобода и творчество. Защита моей диссертации все откладывалась из-за отсутствия той самой новизны в исследованиях, которая сделала бы работу стоящей многих лет труда...»

ISBN 978-5-907006-98-0

© Ханкишиева Л., 2019

© Моя Строка, 2019

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лариса Ханкишиева

Разлом

Автор настоятельно рекомендует не искать аналогов мест действия, событий и персонажей повествования в реальной жизни.

- Мик!
- Ммм?
- Да так, ничего!..

Часть первая

Было начало августа. Я сидела за компьютером и печатала статью. Дело продвигалось медленно: хотелось произвести впечатление сенсационными выводами, но было недостаточно данных для подтверждения моей гипотезы. Совсем немного нужно было для победы, для свершения таинства открытия, достижения желанной черты, где, как мне казалось, начиналась свобода и творчество. Защита моей диссертации все откладывалась из-за отсутствия той самой новизны в исследованиях, которая сделала бы работу стоящей многих лет труда.

Я встала из-за стола и подошла к окну. Уже чувствовалось, что лето на исходе: тени от деревьев стали длиннее и мягче. Кто, в самом деле, придумал так коротко стричь тополя: одни стволы стреляют ввысь! За лето многие закучерявились новой листвой, украдкой протягивая в стороны тонкие побеги – извечная надежда отрастить то, что стригут под корень. Разве есть у них выбор? Что-то общее есть у нас всех: битва за право быть правым! Я закурила, хоть и бросила давно, – за последний год я устала. Мне выпал короткий отпуск, завтра уезжаю по дешевой путевке на турбазу. Обещают велотрек, считавшийся когда-то одним из лучших!

Как попала мне в руки эта путевка – остается загадкой. В Институте на доске объявлений из всего набора информации выпрыгнуло только одно слово: «Дешево!», написанное от руки и обведенное красным. Я достала спортивную сумку с кучей разных карманов и молний и набила ее до отказа всем тем, что обычно остается желанным, но нетронутым до конца поездки.

Мой старый велосипед стоял в прихожей и ждал своего часа. Раньше я ездила «погонять» в парк, но позднее забросила все виды активности, было не до того. Я протерла влажной губкой мой велик, и он засверкал как новый – мы с ним снова друзья!

Место турбазы мне тоже было знакомо: когда-то давно ездила туда на экскурсию. В то время это был престижный спорткомплекс, где часто отдыхали известные спортсмены и другие именитые люди. Туристов из разных городов сюда привлекала красота окрестностей и благоустроенность самого комплекса. Это место также пользовалось успехом у местных чиновников, членов их семей и других любителей провести отпуск со всеми удобствами и по особой рекомендации. В самом деле, кто бы смог устоять перед соблазном окунуться в атмосферу, где спорт счастливо уживался с разнообразием других мирских утех! На территории размещалось все, что делало незабываемым и желанным этот затерянный уголок страстей человеческих: стадион, корты, бассейн, бани, сауны соседствовали с эстрадным театром, ночным клубом, кинотеатром и рестораном. И в довершение всего – велотрек! Сам по себе он был достопримечательностью города и пролегал по красивейшей части местности – вдоль высокого берега реки, по широкой равнине с перелесками, по аллеям парков, завершая свой круг на шоссе-ной дороге, ведущей к комплексу с другой стороны. К сожалению, за последние десятилетия все эти спортивные сооружения сильно обветшали и многие были закрыты на ремонт. Говорят, что денег на восстановление такого гиганта город выделить не может. Появились более привлекательные объекты для вложения капитала, поэтому колосс стремительно приходил в упадок: многие корпуса были закрыты, а те, которые еще как-то держались, существовали за счет летних заездов спортивных школ и секций и небогатых туристов вроде меня. Были слухи, что некие крупные компании взялись было за восстановление спорткомплекса с целью создания спортивно-развлекательного центра, но, подсчитав затраты, нашли более привлекательные объекты для бизнеса. Так и стоит этот заброшенный памятник ушедшей эпохи без особых надежд на возрождение былого величия. Раньше крупные заводы патронировали базу, а теперь стало некому: каждый выживает сам! Вот туда я и еду. Наверное, это символично, но главное – дешево!

Я быстро добралась до места встречи участников заезда, это недалеко от моего дома – несколько остановок на автобусе до площади, где нас ждал экскурсионный экспресс. Время

поездки до пункта назначения занимало около пяти часов. Спорткомплекс располагался на возвышенности, на окраине старого провинциального города, живописно протянувшегося вдоль берега крупной реки.

Водитель помог мне уложить вещи в багажное отделение, после чего я уселась у окна и стала ждать отправления автобуса. Подходили другие участники, заполняя салон. Я скользнула взглядом по вновь прибывшим пассажирам. Ждать многого от такого заезда не приходилось: публику нельзя было отнести к преуспевающим слоям общества. Те, кто оказались в поле моего зрения, явно принадлежали к разным уровням среднего класса. Среди прочих там были: лысоватый мужчина в спортивных брюках, симпатичная блондинка «за тридцать» с подружкой, худощавой угловатой брюнеткой «под мальчика», несколько парней с гитарой, семья, женщина средних лет, по всему виду сплетница, желавшая сесть со мной рядом, но, к моему полному удовольствию, проигравшая место мужчине. Я также обратила внимание на высокую даму лет сорока с модельной внешностью. По всему было видно, что она принадлежит к миру моды и рекламы. Возможно, я даже видела ее в каком-нибудь журнале. Впрочем, они мне все кажутся на одно лицо. С ней была дочь лет семнадцати, очень высокая, очень нескладная, не хороша собой, хоть и похожа на мать. У нее были красивые крупные руки, большой размер ноги, ссутуленные плечи. Вряд ли она сумеет оформиться к 18–20 годам и ощутить все великолепие расцвета юности! Видно было, что их отношения с матерью носят напряженный характер, часто переходящий в шумные ссоры.

Автобус тронулся, и я отвернулась к окну. Замелькали улицы, светофоры, поток машин с людьми, спешащими на работу. А я ехала на отдых! Вообще это было странно: я не планировала брать отпуск в это время и тем более отправляться в поездку. Я хотела закончить статью, сдать ее в печать, дописать главу диссертации и в сентябре устроить семинар, который, при удачном стечении обстоятельств, мог быть зачтен как предзащита. Я спешила! Материал стремительно старел, а вместе с ним и я, как водится в таких затяжных отношениях. Последние два месяца превратили мою жизнь в суший ад. Я просыпалась среди ночи, шла пить кофе, открывала дверь на балкон и долго сидела так, глядя в темноту, которая первая не выдерживала и ударялась в зыбкий рассвет.

События закутились в конце июня. Была очередная командировка в Южное отделение Института для участия в научной экспедиции. Рейс на научно-исследовательском судне планировалось провести в акватории находящейся у побережья бухты. Часть экспедиции была договорной с университетом и полностью отводилась под студенческую практику. В результате совсем немного времени оставалось для академической части проекта. Я возлагала на этот рейс большие надежды. Дело в том, что моя диссертация была посвящена проходящему по дну глубоководной котловины разлому. Моей задачей было доказать, что, несмотря на древний возраст заложения, разлом имеет признаки новейшей тектоники, а значит, продолжает оставаться активным, что может выражаться в наличии подземных толчков, в том числе и значительной мощности. Таким образом, я рассчитывала, что в этом рейсе нам удастся отработать полигон на важном участке разлома с сейсмическими исследованиями, которые принесут новые данные, столь важные для завершения моей работы.

На прошлом семинаре, проведенном в Южном отделении, я имела несколько скандальный успех. Тот семинар был включен в ежегодную конференцию с участием других академических институтов. Я выступила с заявлением о следах новейшей тектоники в регионе и о возможных последствиях в виде подземных толчков, мелкофокусных землетрясений. Присутствие местных журналистов обострило и без того спорную и горячую для побережья тему. Одна из проблем состояла в том, что мне не удавалось получить сейсмологические данные последних лет. Вполне возможно, что получаемая сейсмостанцией информация по землетрясениям в зоне разлома, пусть даже незначительным по мощности, умышленно скрывалась. В этом состояла основная научная интрига, в центре которой я оказалась. Меня обвиняли в скороспело-

сти суждений, не имеющих серьезную научную подоплеку, а после напечатанной в солидном научном издании статьи кое-кто даже приписывал мне шарлатанство. В довершение ко всему, мой шеф, научный руководитель моей диссертации, по сути был того же мнения. Все, что мне оставалось – это доказать, что я права, иначе после наделанного шума моя работа теряла смысл. Надо сказать, я не раз пыталась прорваться на прием к директору местной сейсмологической станции. Но результат всегда один: либо по каким-то причинам мне отказывают в приеме, либо снабжают старыми отчетами, которые я знаю наизусть! О наличии подземных толчков в районе побережья в официальной печати публиковалось очень мало достоверных научных данных, а приведенные значения были явно занижены. Местные жители и рыбаки не раз на себе испытывали нестабильность коры в регионе, но говорят об этом неохотно – запретная тема!

Мои желания и надежды на детальные исследования на разломе не оправдались: рейс сократили до 25 суток. К тому же шеф набрал группу студентов-дипломников, что оставляло мало шансов для полноценных работ по теме моей диссертации. Забегая вперед, скажу, что сделать пару пересечений с попутной сейсмической съемкой нам все же удалось под натиском моих настойчивых просьб, порой весьма эксцентричных. Некоторые интересные фрагменты сейсмических записей на разломе, связанные с проявлением активности земной коры, были выявлены в процессе обработки и построения карт. Я была на творческом подъеме, когда, как снег на голову, свалилась эта путевка!

Если уж и начинать говорить о нем, то первое, что придет в голову, – счастливчик! Он весь на виду: блистательный молодой ученый с большим и светлым будущим. Кумир у студентов. Красив. Талантлив? Скорее – успешен! Просто знает, как надо, в отличие от меня, например. Именно это и делает его тем самым, чье появление озвучено: «Я здесь!» Он стал моим наваждением еще с далеких дней учебы в университете. Он закончил учебу раньше меня, хотя мы почти ровесники. Это я припозднилась, поступила не в первый год и не во второй. Пространство и время такое не прощают! Это как спущенная петля при вязании. Защитился, женился, разошелся с молодой женой. Она с семьей в отъезде. Он сам – в раздумье. Студентки души в нем не чают, но он не спешит: он один такой, а их много! Я – предмет его вечных насмешек и шуток. Он считает, что я зачухну в моем разломе, что диссертация – это всего лишь чуть расширенный диплом, и делать ее надо быстро, чтобы не успеть состариться, зарывшись в ветошь прошлых лет, что, копаясь в сомнительных научных данных, я получаю удовольствие там, где его нет! Возможно, он прав, но я уже ввязалась в дело, и здесь у нас с ним разный подход. Наверное, я всерьез заболела разломом или Андреем (а скорее, и тем, и другим), что, впрочем, мало способствовало успеху в обоих случаях. Последние два месяца я оказалась в стадии борьбы за право отстоять то, что составляло смысл моих усилий на поприще науки и любви, но в этом случае победа редко становится общей!

Вдоль дороги навстречу нам неслись поля, перелески, овраги: ширь-то какая! Наверное, земля живет по своим, известным только ей законам и по мере необходимости сама себе выбирает хозяина. Мы остановились передохнуть и перекусить в небольшом придорожном поселке городского типа: пыльная листва в палисадах у деревянных домов с выкрашенными в яркие цвета наличниками, цветущие астры у окон, туалет, кафетерий – жидкий кофе в бумажном стакане. Мать и дочь ссорились, остальные пассажиры лениво бродили вокруг автобуса: одни курили, другие болтали по телефону. После стоянки мы шустрее двинулись в путь. Солнце уже начало клониться к горизонту, когда мы въехали в город. Замелькали двухэтажные дома с крупными названиями улиц на стенах, остановки транспорта, магазины, кафе. Когда-то в дни юности я ездила отдыхать в похожий городок. Сердце сжимается от воспоминаний: что-то навсегда упущено, не понято, не встречено и звучит, как тихий укор.

Наконец мы подъехали к базе. Издали показалась стена с массивными воротами. Площадь у входа когда-то была забита личным транспортом, а сейчас она казалась пустой и заброшенной. Мы вышли из автобуса, достали вещи и погрузили их в подъехавший автокар. Нас

встретила маленькая черноволосая женщина, которая с заученной радостью повела нас к корпусам.

– У нас здесь повсюду ремонт, – пояснила дама, провожая нас до места, где находился жилой корпус, – вот в будущем году обещали закончить основные работы на территории, тогда и заживем! Сейчас многие помещения закрыты. Жаль, конечно, но мы сделаем все, чтобы поездка запомнилась вам надолго!

Я стала припоминать свою давнюю экскурсию в этот спорткомплекс: вот центральная площадь с фонтаном, вот летняя столовая, а там, дальше – теннисные корты. Сейчас они ремонтируются, завешены сеткой. Вдали виднелось здание, где раньше был концертный зал. Наконец мы подошли к месту нашего проживания. Весь вид корпуса вызывал опасения по части благоустройства. Верхние этажи явно были закрыты для посещения, а те, что предположительно содержали что-то вроде гостиничных номеров, имели странный вид снаружи. Подъехал автокар, мы разгрузили наши вещи и велосипеды, завезли их в подсобное помещение на цокольном этаже и поднялись на лифте к номерам. Вот тут наконец прояснилась причина дешевизны путевок! Огромный некогда спортзал был разбит на крошечные жилые секции-кабинки. Остальное пространство занимал внушительных размеров холл с ковровым покрытием, столиками, телевизором и бильярдной в углу. В другом конце холла находились душевые и туалеты.

Нас расселили по комнаткам. Мне, как всегда, достался 14 номер. Не то чтобы я излишне увлекалась нумерологией, просто в этом числе – вся моя суть! Номер был одноместным, и это стало лучшим для меня подарком из всего того, что я могла ожидать от поездки! Внутри комнаты был топчан-кровать, столик с лампой в углу. Рядом со столиком стояло кресло, вдоль стены – фанерный шкаф-купе, за ширмой – крошечный умывальник, где висели на крючке два полотенца, кубик мыла и шампунь лежали на полке с небольшим прямоугольным зеркалом и тусклой лампочкой над ним.

Оглядев комнату, я решила, что если соседи попадутся не слишком шумные, то обстановка весьма сносная. Я экспедиционный человек и редко имела что-то лучшее в поездках. Я распаковала сумку и улеглась на кровать. После долгого сидения в автобусе я вдруг почувствовала тот самый нужный мне комфорт, который не требует многих излишеств. Правда, очень скоро я поняла, что поторопилась радоваться: за тонкой перегородкой кабинки поселились те самые шумливые мать с дочерью, и это явно меняло дело к худшему! В другой соседней комнате было тихо, как если бы она оставалась пустой. Я решила, что пережду немного и отправлюсь в душевую, когда там поубавится народу.

Очень скоро нас позвали на ужин, где объявили план на следующий день: в семь утра – подъем, в 7:30 завтрак, в восемь сбор на плацу перед столовой – встреча с тренером. Кто-то запротестовал: «Так рано?» Ответ был краток: «Рано не бывает, бывает поздно!» На том и разошлись по кельям. Я зря порадовалась возможности отдохнуть и полистать взятый в дорогу журнал. В один миг ко мне прицепилась шустрая спортивного вида женщина со стрижкой, та самая, что метила на место рядом со мной в автобусе. Там ей не повезло, но здесь она взяла реванш.

– Ну, как вам здесь нравится? Я езжу сюда много лет. Раньше – с мужем, потом с детьми, а теперь уже никого сюда не затащишь! Это я, как старый конь, гоняю все по той же меже! Не могу остановиться: что ни заезд, то – сюрприз! Такие сюжеты – хоть романы пиши! Место гнилое, но злачное! А давай на «ты»?..

Ее фамилия была Хвылина, или попросту Хвыля – так звали ее все вокруг, это было в традициях местности, она числилась здесь своей, и даже те, кто видел ее впервые, быстро свыкались с мыслью о затерянных давнишних связях. Наверное, по той же причине эта дама была всезнайкой, ничто не ускользало от ее хитроватых черненьких глаз. На обратной дороге к корпусу женщина многое мне поведала. Я была удивлена ее способности за короткое время собрать столько сведений о начале заезда и его участниках.

– Это второй после ремонта заезд. До этого город спал! Думали, не сдвинуть с места воз – но нет, нашлись энтузиасты, потихоньку восстанавливают! Велотрек здесь знатный! Раньше корты тоже были хорошие. Мы с мужем в свое время мяч погоняли, а теперь вот покрытие меняют, не спешат, никто сюда не едет! А трек – хорош! Многие здесь головы сложили! Ха! Шутка! Конечно, первые 2-3 дня трудно будет, потом привыкнешь. Еще не знаю, кто сейчас здесь тренер: если Линка, то она измотает! Завтра увидим. Я загляну к тебе попозже, поболтаем! У меня коньячок есть! Кто у тебя соседи?

– В одной комнате та красивая женщина с дочкой, в другой – пока тихо.

– Модель, что ли? С уродкой двухметровой дочкой? Бедная девка! Но у моделей это случается, и у спортсменок тоже иногда. Гормональный протест! Природа мстительна!

– Но, может, все дело в отце?

– Ну да, если лечь по заказу!

Я надеялась, что Хвьяля забудет о своем обещании и зацепится языком где-нибудь в другом номере, но эта женщина никогда ничего не забывала и вскоре явилась ко мне с коньяком и колбаской. Это внесло изменения в намеченный мной распорядок вечерних дел и сна. Она по-деловому нарезала колбасу, разлила коньяк и начала рассказ.

– Вообще раньше здесь был убойный бардак! Потом все старики вымерли, а новые не тянут! Пытаются все восстановить и сделать, как было, но нет заинтересованных лиц, а денег уйма нужна! Поэтому никто сюда не едет, кроме таких, как мы! Помимо спорта людям нужен полный отрыв: бани-сауны, бары, ночные и игорные клубы, концерты, шоу и все на уровне... а так – скукота! Вот и возят щенят попрыгать на батуте! Может, если корты осилят и велотрек отполируют – людей больше понаедет! А ты чем вообще занимаешься?

– Работаю в научно-исследовательском институте, пишу диссертацию.

– Ой, хрень какая, извини за грубость! Вам там хоть платят за это?

– Не так чтобы.

– В бизнес тоже не так просто уйти! Мой муж погорбатился в проектной организации, потом плюнул, ушел в бизнес. Живем.

– Ну, а ты чем занята?

– Финансы. У него же в фирме, хоть и не живем уже четыре года, так, числимся.

– А дети?

– Школу заканчивают. Пусть отец устраивает! Бросай свою науку, иди в бизнес!

– Кому я там нужна?

– А ты по какой части в науке-то?

– Океанология.

– Подводники, что ли?

– Океаны, моря изучаем.

– А-а, скукота, наверное! В дело надо уходить, где живые деньги водятся, а то океан какой-то! Замужем?

– Да нет пока.

– Пока! А сколько тебе? Тридцатник-то есть уже?

– Есть, в марте стукнуло ровно тридцать.

– Я поначалу меньше дала, думала лет 26–28. Взгляд только очень серьезный! Повеселей, поулыбчивей надо быть, подруга, а то так и просидишь со своей диссертацией! Да еще хрен-то выйдешь с маленькой зарплатой! В себя вкладывать надо, чтоб взяли! Хочешь, с мужем поговорю: может, у них место есть?

– Спасибо, пока подожду, хочу все же защититься, раз уж взялась.

– Ну, надумай, скажи! Начать ведь и с кладовщицы можно, если фирма нормальная. А мне уже 38! Через пару лет – абзац! Муж с молодыми закрутил, как только деньги появились! Вот я и шарахаюсь по старым базам! Ностальгический клуб, короче!

Так задушевно началось наше знакомство. Она ушла, а я заснула не сразу: какие-то мысли крутились в голове: мой последний рейс... ночное море, металлический ящик, упавший с самолета... Андрей с красивой аспиранткой... у них роман. А может, я все это придумала, глядя на тусклый потолок в дешевом номере престижного некогда спорткомплекса? Все куда-то уплыло, и я погрузилась в сон.

Утро нас встретило оглушительным хитом, какие обычно звучат на волне «Дорожного радио» в загородных маршрутках. «Здесь утро вечера пострашнее», – подумала я, поднимаясь с постели. В душевой толпился народ. Не знаю как у мужчин, но у нас работали 4 кабинки, двери двух остальных были заклеены скотчем. После душа в столовую – завтрак: каша, омлет, кофе – нормально! Я так дома никогда не ем!

На плацу нас уже ждала наша шустрая администраторша, а с ней – спортивного вида девица, симпатичная, но мрачновата. Рядом со мной снова оказалась Хвыля.

– Ну вот, значит, точно Лина, я так и знала!

Гидша-администратор представила:

– Знакомьтесь, ваш тренер на время заезда – Полина Сергеевна Линникова – Лина, прошу любить и жаловать!

– А как ее любить-то будем? Прямо зверем смотрит! – буркнул стоящий рядом лысоватый мужчина в брюках ADIDAS.

– Сначала догони, потом посмотришь! – хмыкнул его приятель.

– Итак, можете звать меня Лина, откликаюсь, – пошутила тренер.

– Вообще, она та еще стерва, – прошептала Хвыля, – но интересная девочка!

– У кого нет велосипедов – пройдите в пункт проката, там вам их выдадут после предъявления паспорта и купона путевки. Остальные велосипеды я сейчас осмотрю, чтобы не было поломок в дороге. Трек сложный. Сегодня мы его весь не пройдем, покругим вокруг базы. А пока познакомимся.

Лина перечислила свои разряды и награды, которые я тотчас же забыла. Я изучала эту девушку и почувствовала грусть, глядя на нее. Она была красива: темно-русые, гладко зачесанные и собранные в узел волосы оттеняли белизну чуть выпуклого лба. Темные брови вразлет сошлись у переносья. На мир взирали диковатые, слегка раскосые рысьи глаза. Их серовато-медовый блеск придавал лицу холодную страстность, а чуть вздернутый нос – упрямую детскость. Она была стройна, но крепкого сложения: маленькая упругая грудь, накачанные ягодицы. Темные круги под глазами и общий тускловатый вид говорили о ее бедности, о той борьбе за выживание, которая не пощадила дивной, редкой красоты девицы. Было видно, что летом она работает на износ, а зимой, скорей всего, голодает и занята черт знает чем! В ней чувствовались одновременно темперамент и излом.

– Я слышала, что эта краля в прошлом заезде измотала всех в хлам, чуть не насмерть! – подтвердила мои мысли Хвыля.

«Может, хоть сброшу пару килограммов по случаю», – с надеждой подумала я.

Потом мы сели на велосипеды и, медленно крутя педали и хрустя гравием под колесами, выехали с территории базы на трек.

– Ничего, – бодро крикнула Лина, – будет вам и асфальт! Это на выезде мягковато.

Вскоре дорога стала тверже, представляя собой утрамбованную темную насыпь. Битум, кажется, называется? А дальше начался асфальт. Стало легче педалить. Я шевелилась, как во сне. Даже в море я гребу шустрее! Седло и колено поскрипывали. Нога разгибалась еще плохо. Я уже устала в самом начале пути. Народ уныло гнул спины, мерно работая ногами. Лина что-то выкрикивала на ходу, наверное, это касалось дороги. Я уперлась взглядом в переднее колесо, стараясь не въезжать в мелкие рытвины на асфальте. Было трудно. Совсем отвыкла двигаться.

Мы уже отъехали на приличное расстояние от ворот спорткомплекса, и нам открылся потрясающий вид: дорога пересекала поля и тянулась вдоль перелеска. Мы делали малый круг,

как и обещала нам Лина, миновав основное шоссе, тянувшееся вдоль крутого берега реки. Мы только вскользь окинули взглядом горизонт, наполовину скрытый за деревьями, растущими на склонах. Лина свернула с основной дороги и повела нас по малому треку вокруг базы. Мы захватили часть города, проехали по узкому шоссе вдоль парка и, сделав плавный поворот, погнали назад в спорткомплекс. Мы въехали в другие ворота спорткомплекса и, лавируя между корпусами, вернулись на площадь перед столовой.

– Ну что, устали? – спросила Лина. – Ничего, скоро привыкнете. На сегодня все! А сейчас – рассыпсь! Отдыхайте! Обед в полвторого! Завтра жду вас здесь же. Не опаздывать!

Она исчезла, а мы рухнули на газон и перевели дух после первого заезда. Потом мы завезли велосипеды вниз, в подсобку, и поднялись на жилой этаж. А дальше – душ, топчан, столовая. У меня ныло колено и даже слегка припухло, но все же ходить я могла. Прибежала наша женщина-гид и объявила:

– Сегодня после чая в холле на этаже состоится вечер знакомств. В программе чай, конфеты, личные истории, конкурсы, викторины под музыкальное сопровождение лучшего местного аккомпаниатора и аплодисменты участников! Всем быть на месте! Опоздавших ждет штраф!

Вот чего я всегда боялась в подобных местах: нечаянной радости санаторных утех! Возможно, не слишком долго будут мучить: пристрелят сразу? Или есть смысл откупиться, принести конфет из буфета, высыпать их на стол и под шумок смыться? «Ладно, потерплю, раз уж здесь», – подумала я без особой надежды избежать событие.

«Чай» последовал сразу после чая: принесли из столовой конфеты, печенье, пирожное, пирожки и другие чайные радости. Застелили столы, уселись в кресла. Появились гид и массовик с баяном. Дело приняло серьезный оборот. Мужчина тронул инструмент. Резануло живым громким звуком.

– Щас бы частушки с похабщинкой! – хмыкнул мужчина по соседству.

– Ага, и в пляс! – подхватил второй. – И по 150 водочки для разгону!

– Так с этого и надо начинать! А то – конфетки с чаем! Кого здесь заберет?

– Ой, да ладно вам, мужики! Успеете еще! – буркнула женщина слева.

Хвьяля мне изменила и затерялась где-то между моделью с дочерью и миловидной блондинкой. Это был как раз тот случай, когда ее близость могла оказать услугу в виде амортизатора от внешнего натиска. Но я уже усвоила урок из жизни: настоящие трудности – всегда мои!

Массовик предложил сыпать все конфеты и печенье в один большой пакет. Так, по его мнению, должен был выглядеть основной приз победителю конкурса. А задача была проста: наиболее образно описать жизненные обстоятельства, которые привели участника заезда именно сюда, в глушь, в места давно забытые. Победителем окажется тот, чья драма сильнее тронет сердца присутствующих. Если не вдаваться во все случаи тягот людских с их женами-детьми-ремонтами и ипотеками, то несколько историй могли привлечь внимание за остывшей чашкой чая. Модель, артистично указав на дочь, воскликнула: «Вот, родила на свою голову, если не сказать покрепче, теперь вожу ее подальше от компьютера! Здесь вроде лошадей обещали показать участникам, сводить на местный ипподром. Дочь от них без ума, но, увы, без взаимности! Они шарахаются от несравненной Юлии!»

– Что же, хочет стать наездницей? – спросил кто-то.

– Ну, это ей не грозит! Если только распилить ее надвое по сорок килограммов для двух лошадок! Мечтает иметь свою ферму. Все уши прожужжала: купи мне загородный дом с загоном и лужок гектара на два! Буду выращивать скакунов! И прямо сейчас! Об учебе и слышать не хочет. Хоть бы школу закончила в следующем году! Уж хоть как! Пусть тогда бы шла выгребать конюшни.

– Бедная девочка! Мать к ней безжалостна! – послышался голос сзади.

Рявкнул громким аккордом баян, зафиксировав паузу. Следующей рассказчицей оказалась блондинка.

– Я сбежала сюда от двух мужей. Они сейчас оба живут у нас дома. Мой бывший каждый год приезжает в это время в отпуск и на консультацию врача. Обычно он останавливается у нас, а я на это время сбегаю. Дело в том, что мужья дружат. У них своя культурная программа, я им не мешаю. Детей отправляю к родителям на дачу. И две недели – мои! Представьте: на двух мужиков готовить! Да еще уборка и все эти ночные бдения! А так – может, хоть девочек найдут!

– Bravo! Вот это сюжет!

– А это разве хорошо, когда два мужа живут в одной квартире? – поинтересовался кто-то сбоку.

Блондинка немного подумала:

– Не знаю, что ответить: ни хорошо, ни плохо – как есть!

Баян радостно взвизгнул, завершая очередную повесть.

После блондинки по списку шла ее спутница, худощавая брюнетка со стрижкой «пикси». Она казалась немного жеманной.

– Ну, во-первых, мой парень – велосипедист. Он увлекается горным велосипедом, каждый год ездит в отпуск в Альпы. Он много раз звал меня с собой, но я и по равнине-то кой-как. А в этом году даже не пригласил, наверное, другую нашел!

– Ну, тогда поезд ушел, расслабься и сама ищи другого! Чтоб вдвоем по родным ухабам! А то, вишь, Альпы ему подавай!

– Ну, у меня есть и другая причина. Я увлеклась модельным бизнесом. Хочу сниматься в рекламе спортивной одежды.

– Но у вас не модельная внешность! – воскликнула с места модель.

– Вообще-то я хочу быть мужской моделью.

– Что-о-о?

– Я занимаюсь штангой, хочу рекламировать спортивную одежду и мужские аксессуары.

– А сколько вам лет?

– 27.

– Поздно же вы, матушка, в юнкера собрались! Тут и молодые парни-красавцы без работы сидят. А она – в мужские модели! И вообще, если вы не Клаудия Шиффер, то в тридцатник в модельном мире делать нечего! Не задаром, за шоколадку, могу вас просветить по поводу этого бизнеса! – завершила свою тираду модель.

Баян рыкнул, и конкурс на этом закончился. Приз получила блондинка за своих двух мужей. Ей вручили пакет со сладостями, и народ ринулся на ужин.

– И все же, – не унимался мужчина в спортивных брюках, догоняя блондинку, – хорошо иметь двух мужей сразу?

– Не знаю, – пожалала она плечами, – сразу я их никогда не имела. Наверное, хорошо, но не каждый день!

– И не таких, как вы, мужчина! – добавила проходящая мимо модель.

Вечером я обнаружила, что у меня появились соседи в той другой комнате, где поначалу было тихо. Интересно, кто они? Голоса вскоре утихли. В комнате остался кто-то один.

На следующее утро нас ждал сюрприз: на плацу появилась новая пара. Это были молодые люди: муж и жена. Женщина была худощавая, с копной волнистых рыжеватых волос. Ее нельзя было назвать красивой и даже особо привлекательной, но держалась она весьма уверенно, и было видно, что все, что делалось вокруг, находится под ее контролем. Ее муж, напротив, был высокий, красивый, вяловатый на вид парень, чей взгляд безжизненно скользил поверх толпы. В одежде также наблюдались различия. Модно одетая девушка в фирменном спортивном костюме контрастировала со своим небрежно одетым партнером. На нем были растя-

нувшиеся трикотажные брюки и бесформенная застиранная футболка. Весь его вид говорил: «Мне, в общем, плевать, что вы здесь делаете! Я зашел сюда на минуту!» При этом он был обладателем прекрасного нового горного велосипеда с внушительной черно-желтой рамой, широкими покрышками и амортизационной вилкой. Марку я не разглядела, что-то из серии Bergamon. Даже у Лины ее гоночный дрын смотрелся скромнее. Ребят звали Лиза и Павел. Они приехали в спорткомплекс с маленькой дочкой на машине своим ходом и остановились в частном доме у хозяйки за пределами базы. Лиза, впрочем, занимала еще и соседний со мной номер и появлялась там крайне редко.

– Смотри, какого отхватила, маргышка! Вот каких надо мужиков снимать! – тихо воскликнула одна из женщин.

– Вялый какой-то, малахольный, все в рост ушло! – ответила другая.

– Так уж и в рост! – встряла в разговор модель.

– Ну, тебе видней! – съязвила первая дама.

– Да уж, не про тебя! – отрезала красотка.

– Вот зацепились языками! – урезонил их мужчина. – Завидуйте молча. Натуральный перец! Посмотрим, как педалит.

– Штаны потеряет! – последовал чей-то ответ.

– Ничего, есть кому натянуть и стянуть!

Было ясно: Павел попал под прицел! Этим утром нас ждал еще один сюрприз. На сборах после завтрака Лина появилась в компании доктора. Это был привлекательный темноволосый мужчина лет сорока пяти. Он был одет в спортивный костюм, хотя в заезде не участвовал. Лина представила его нам и просила обращаться в его офис в медпункте со всеми нашими недугами. Там же мы можем проверить давление и взвеситься. Лина усмехнулась: по всему было видно, что симпатичный доктор здесь пользовался успехом, и в маленькой клинике всегда толпился народ. Доктор был не лишен чувства юмора: он сделал широкий приглашающий жест и громко провозгласил:

– Приветствую негнибаемых борцов за здоровый образ жизни! Надеюсь, я вам не потребуюсь за время всего заезда! Носите шлемы и наколенники и не слишком гоняйтесь за Линой – жизнь дороже! Остальное – отрегулируем!

И он ушел в свой офис.

– Ничего так! – шепнула мне Хвыля. – Ой, чувствую, что-то будет!

Возможно, из-за присутствия доктора поначалу Лина не обратила особого внимания на появление новой пары. Она бросила быстрый брезгливый взгляд на наряд Павла и дала команду старта велопробега. Мы вырулили на дорогу и медленно двинули к воротам.

Для меня это утро началось с шока! Я ничего не ответила на замечание Хвыли по поводу личности доктора, потому что была вся во власти охватившего меня изумления. Я не столько была сражена харизматичной привлекательностью этого человека, сколько потрясена его появлением именно здесь!

...Обстоятельства, при которых мне довелось ранее столкнуться с этим мужчиной, заставляют меня вернуться к невероятным событиям, произошедшим со мной два с лишним месяца назад. Это случилось за несколько дней до начала экспедиции на научном судне в акватории бухты Южного отделения нашего Института. Была середина июня. Сотрудники нашей лаборатории и другие участники рейса прибыли на территорию отделения и готовились на днях выйти в море. Все было готово к отходу: аппаратура и научные материалы уже находились на борту. Мы подготовили помещения для морских работ. Техническая группа устанавливала и проверяла приборы в лабораториях и на палубе. Пароход стоял у пирса. В экспедиции участвовало несколько студентов-старшекурсников. Они проходили практику и собирали научный материал для дипломных работ. Все были в сборе и ждали начала рейса, за исключением двух участников: еще одного студента и девушки-аспирантки первого года обучения. Их самолет

прилетал вечером, и Андрей поехал на машине встречать их в аэропорт. Мне шеф поручил предупредить всех остальных студентов, чтобы они были готовы к отходу судна и не отлучались с территории отделения. При благоприятных обстоятельствах, связанных с присутствием всех сотрудников на местах и хорошей погодой, начало экспедиции планировалось на следующее утро. Однако к вечеру погода стала портиться, что могло изменить сроки начала рейса. Шеф нервничал, ветер крепчал. Пронесся слух, что отход судна могут отложить. А если шторм усилится, то судно вынуждено будет выйти из бухты и спрятаться за мыс в ожидании лучшей погоды. Была все же надежда, что к утру ветер стихнет и судно выйдет в море по расписанию. Капитана на борту пока не было. Он должен был прибыть рано утром. Из-за неясности обстановки шеф просил меня оповестить студентов о надлежащей готовности вовремя прибыть на борт. Я направилась в коттедж, где жили студенты, но там никого не оказалось. Один-единственный парень сидел за компьютером, погрузившись в какую-то игру.

– А где все остальные? – спросила я.

Парень, не отрываясь от экрана, пожал плечами:

– Наверное, в город поехали!

– Давно?

– Не знаю, часа два назад еще были здесь.

– А ты чего не поехал?

– Надоело! Обещали пива сюда привезти.

– Скажи им, когда вернутся, чтобы утром были готовы к отходу!

– Так ведь штормит же!

– Все равно шеф просил передать, чтобы были на местах!

– Ладно, скажу.

– А где они могут быть в городе?

– В стекляшке на окраине. Это сразу при въезде. Ну, или в щелях, на пляже, если уже набрались. Но сейчас ветрено, вряд ли они там!

На этом можно было остановиться. Я выполнила поручение шефа: предупредила о возможном утреннем отходе судна. Но мне не сиделось дома, и я решила съездить в город и поискать ребят в пивной. Я делала это не из подобострастия, просто мне необходимо было совершить какое-то действие ради его самого! Нестерпимо было думать, что вот сейчас Андрей несется в аэропорт на встречу с этой юной шикарной блондинкой! Как мне казалось, та аспирантка была воплощением мечты многих молодых мужчин. Так я думала в порыве ревности. Только что-то действительно несуразное, сделанное в состоянии отключенного разума, могло смягчить мое отчаяние. Поэтому без лишних раздумий я зашла в центральный офис и попросила дать мне на часок одну из служебных машин отделения, чтобы съездить в город за студентами.

– Так ведь Андрей Георгиевич уже поехал в аэропорт, – удивился вахтер.

– Мне надо остальных забрать из города, и побыстрей, до отхода судна, а то они там просидят до полуночи, а утром мы можем выйти в море. Это здесь, недалеко, при въезде в город.

– Тогда надо говорить с водителем. Может, согласится дать машину или сам съездит! Там у него есть старый внедорожник, если на ходу!

Я пошла искать водителя у ангаров с аппаратурой. Там же была небольшая стоянка служебного транспорта. Этот парень раньше работал на судне матросом, ходил с нами в рейс, поэтому знал меня. Мне удалось его застать на месте, мы поговорили. Он со скрипом дал мне старую машину на час, предупредив, что если я поеду только до стекляшки и назад, то, может, бензину и хватит, а если в город, то надо будет заправляться по пути. Я убедила его, что дальше окраины не поеду, только взгляну, там ли студенты, – и назад! Получив машину, я зашла в свой

коттедж, схватила тряпичную сумку, которую обычно таскала с собой при поездках в город, и выехала за ворота.

Я вожу машину довольно плохо, потому что вообще редко это делаю. Права у меня есть, а вот машины своей никогда не было. Я проехала через площадь перед въездом в отделение, миновала автобусную остановку и не спеша поднялась по дороге к основному шоссе. Я решила ехать в город верхним путем. Был еще и нижний, вдоль скалистого побережья. Там обычно меньше машин на дороге, но зато круче подъем на шоссе, ведущее в город.

Доставшаяся мне машина явно доживала свой век. Все виды разных подозрительных звуков и скрипов доносились со всех сторон. Наверное, вид ее на дороге вызывал целый ряд комментариев у проезжавших мимо водителей. В результате я все же добралась до стекляшки и с грехом пополам припарковалась у небольшого пивного бара, куда частенько заглядывали студенты. Я зашла внутрь. Студентов там не было. Я спросила у бармена, не заглядывали ли сюда молодые ребята с девчонками. Он ответил, что часа два назад там действительно была какая-то молодежь, но они все давно уже ушли. Он посоветовал мне зайти в пивную по соседству. Я даже не была уверена, что речь шла о тех же ребятах, поэтому просто так, на всякий случай, последовала его совету и окинула взглядом соседнее заведение. Там студентов тоже не было. «Значит, поехали домой или спустились к морю», – подумала я, садясь в машину.

По пути в отделение я все же решила спуститься на пляж, поэтому выбрала нижнюю дорогу, ведущую вдоль моря. Мне не хотелось парковать машину у обочины. Это не везде разрешалось. Я знала пару небольших стоянок, но правила часто менялись, и я не была уверена, что выберу правильное место для остановки. Я также не хотела лишний раз выходить из машины, потому что опасалась, что она просто не заведется в следующий раз. Все же, подъехав к первому узкому каньону, называемому в местных традициях щелью, я не удержалась и вышла из машины, оказавшись вблизи от спуска на пляж. Надо заметить, это всегда было довольно опасное место для желающих попасть к морю. Почти вертикальная металлическая лестница со скользкими наклонными ступенями и шатающимися перилами исчезала из виду под кручей. Колючие ветви растущих на склоне кустарников во многих местах преграждали путь. Только сумасшедший альпинист рискнул бы проделать спуск и подъем по такому опасному сооружению. Дело в том, что этой лестницей уже давно никто не пользовался. Это было заброшенное место, куда ни местные, ни отдыхающие никогда не заглядывали. Исключение составляли студенты и люди с сомнительной репутацией. Тем не менее, именно здесь, в щелях у скал и кромки пляжа, происходили самые вожделенные сборища молодых людей. Я и сама когда-то засиживалась у костра, вращая над огнем подгоревшую колбаску в компании таких же молодых и неумных под шелест волн и звон гитары. Это было давно, но даже тогда не тот путь открывался мне, я там была чужой. Мой путь всегда – «один на один»!

Тому, зачем я полезла вниз по той крутой лестнице, наверное, вообще не существовало объяснения. Здесь сработал простой довод: есть я, и есть спуск к морю, следовательно, необходимо совершить целенаправленное действие и получить результат! Так я и поступила и после некоторых мытарств оказалась у подножия склона.

«Пройдусь по пляжу до второй щели, и если их там нет – поеду домой», – подумала я и побрела вдоль берега моря. Штормило. Волны набегали на песок, но дул приятный бриз, и я радовалась случаю побродить одной под шум прибоя. Мне стало легче, я почти освободилась от теснивших меня призраков разгоравшихся где-то роковых страстей. Море меня успокоило. Я обогнула неглубокий врез фьорда первой щели и вышла на участок пляжа, где гряда отдельных скал уходила в море. В легких сумерках очертания глыб-великанов напоминали удаляющихся в морскую даль призраков. «Я с вами, мореходы!» – усмехнулась я про себя, разглядывая их согбенные спины. Мне даже показалось, что какая-то тайна легла между нами, какой-то сговор повис в синеве. Во время отлива вдающийся в море скальный мыс можно обойти по сухой

гальке и песку. Даже сейчас, когда прилив усилился, еще можно было проскочить ту брешь между морем и сушей.

Я решила заглянуть во вторую щель, фьорд, который острым клином врезался в береговой склон, пройти немного в поисках кострища и до наступления сумерек подняться наверх. В темноте попытаться проделать такое было бы явным безумием! В этот раз место костра было разрушено и засыпано галькой, о чем позаботились сотрудники береговой службы. С некоторых пор здесь запрещено жечь мусор и сухие ветви без каких-либо видимых причин. Власти города объявили борьбу с «дикарями». Для кострища отводились специально оборудованные площадки с обложенными камнем лунками. Я прошла немного по пляжу и присела на большой валун. С тех пор как умерли мои родители, я часто ощущала эту затерянность в пространстве. Не то чтобы я тосковала по ушедшим навсегда годам детства и юности, но что-то важное навсегда исчезло из жизни – связь времен. Цепь была порвана, и я не представляла себе, как заземлиться, по сути дела, как начать все с нуля. Даже понятие меня самой, как сущности, порой таяло в неизмеримости пространства, где нет ничего, что вообще имело бы смысл без заданных кем-то параметров. То, что предлагалось извне как готовое, было скучно. То, что я создавала сама, не имело пока очертаний. Я не принимала никаких учений. Я хотела познать природу вещей без вмешательства чужих затверженных знаний. Я, как рыба в океане, искала течение, которое бы вынесло меня к открытию моего пути. На мелководье бушевали страсти, и жабры мои раздувались в битве за когда-то кем-то данную мне жизнь.

Так я сидела какое-то время на нагретом за день камне, наблюдая, как наступающие сумерки сливаются с едва видимым горизонтом штормящего моря. Волны шустрей набегали на берег, темнота сгущалась. Я встала и подошла к ближайшей скале. Оперлась на ее нагретый бок, чтобы вытрясти песок из кроссовок. Тень от выступа нарисовала черный полукруг на участке щебнистого пляжа, где я стояла на одной ноге. В этот самый момент я услышала чудовищный по силе треск и грохот где-то сверху, над береговым обрывом. От неожиданности и испуга я быстро присела, привалившись спиной к скале. И тут я увидела, как низко над пляжем, прямо над моей головой, пролетел небольшой частный самолет. Я едва успела разглядеть его корпус, метнувшийся в сторону моря, как машина сделала легкий наклон, и с борта в воду упал угловатый блестящий предмет – судя по всему, металлический ящик или небольшой дорожный контейнер. Самолет совершил плавную дугу в воздухе над поверхностью бухты и скрылся из виду за мысом.

Я все еще оставалась сидеть на том же месте в тени скалы в полном оцепенении, когда в наступившей тишине раздался новый мощный звук двигателей. Над морем один за другим показались два вертолета службы береговой охраны. Зависнув на краткий миг над заливом, они развернулись и последовали в том же направлении, что и улетевший ранее самолет. Я продолжала сидеть не двигаясь. Мысль быстро заработала: «погоня служб за частником!» Скорее всего, кто-то угнал самолет, пытаясь пересечь границу, находившуюся в доступной близости, если не считать горного массива, который мог послужить препятствием, особенно в сумерках и в облачную погоду, какая была здесь с утра. Второй мыслью было то, что груз, сброшенный с борта, представлял ценность и был объектом преследования. Пилот опасался быть пойманным в пути и избавился от имущества, спрятанного в ящике, сбросив его в море. При вынужденной посадке в горах ему труднее было бы спрятать свое приобретение. Возможно, тот человек на борту планировал прыжок с парашютом – и тогда самолет точно бы разбился! Даже если беглецу удалось бы пересечь границу, его могли поймать и там и передать здешним властям по запросу таможенных служб. Последняя мысль была опаснее двух первых: возможно, я единственный свидетель разыгравшихся драматических событий в бухте, а может быть, и в городе: кто знает, что содержит тот груз! Скорее всего, охрана не заметила упавший в воду ящик, иначе один из вертолетов остался бы на месте происшествия и вызвал бы по радиации подмогу! Я знаю это по работе, когда в экспедициях ищут потерянный с судна прибор. Если

не удастся сразу определить место затопления оборудования, то пароход курсирует в районе потери, потом могут вызвать дополнительные катера и водолазов, если глубины небольшие и прибор погрузился где-нибудь в районе шельфа. Но здесь оба вертолета последовали вдогонку без остановки, а это значит, что ящик упал в море никем, кроме меня, незамеченным!..

На пляже воцарилась тишина, если не считать набегавших на берег волн. Значило ли это, что инцидент в бухте исчерпан, и береговые службы сюда не вернуться? Я не знала. Я все еще сидела под скалой в ожидании новых событий и оставалась бездействующей еще какое-то время, пока не ощутила, что от напряжения до боли затекли ноги. Поколебавшись немного, я все же рискнула встать с насиженного места и пройти в том направлении, куда был сброшен предмет. Я мысленно воспроизводила недавние события: крен борта самолета, упавший в воду контейнер. Это место, должно быть, метрах в двадцати от крайнего выступа гряды скал, уходящих в море. На самом деле эти скалы представляли собой крупные валуны и были частью мыса, вдававшегося в море. Там, у подножия последней скалы, возможно, большие глубины. Но если взять чуть в сторону от гряды, куда и угодил тот ящик, то там еще продолжался береговой склон. Поэтому предмет мог находиться в достигаемых пределах даже для такого ныряльщика, как я. Если проплыть вдоль тех скульптурных построек, вдававшихся в море, то можно кое-где достать до дна ногами, там не глубоко. В штормовую погоду, правда, лучше не подплывать близко к скалам: можно удариться об их острые края. Но если у последней скалы свернуть в сторону упавшего предмета, то там глубина может достигать двух-трех метров – бессмысленно рассчитывать на мелководье. Там придется всерьез грести! Ящик тоже, судя по всему, не сдвинуть с места, но все же интересно посмотреть! Вообще там довольно опасно: даже в штиль в этом месте могут быть разрывные течения. Когда-то здесь стоял предупредительный знак – плакат с предостережением не делать в этой бухте заплыв, но то ли волны разрушили его со временем, то ли студенты сожгли на костре. Я продолжала стоять возле зоны прибойя, соображая, как мне лучше поступить. В таких случаях всегда возникает дилемма: уйти и поскорей забыть, а главное, молчать: «ни сном, ни духом»? Или же прямо сейчас лезть в воду. В моем случае выбор пал на второе. Другого шанса у меня не будет: завтра власти города спохватятся и пришлют сюда катера с водолазами! Разве этого я хочу? Тогда зачем я оказалась здесь?

Поразмыслив, я полезла в воду. Я не взяла с собой купальник, поэтому, скинув верхнюю одежду, кинулась в море, в чем была. Вода оказалась не очень холодной, хотя прогретая за день у пляжа смешалась с той, что шла из глубины под действием силы прибойя. У берега было довольно мелко. Когда-то это раздражало меня при плавании в бухте с ластами. Приходилось пятиться задом, пока не упадешь на спину и не начнешь грести прочь от берега с его придонными подводными камнями. Я проплыла десяток метров, все еще касаясь дна ногами, но вскоре волны стали всерьез толкать меня в грудь: я выплыла на глубину. Цепь скал оставалась в стороне. Я старалась плыть аккуратно: в любой момент течение могло занести на обломки у подножия подводных выступов. Я пыталась подсчитать, сколько еще метров оставалось до положения груза на дне. На море это было трудней определить: скачущая зыбь перед глазами, утонувший в сумерках горизонт и неопределенная скорость моего движения вносили сумятицу в сознание. В какой-то момент я решила, что потеряла свой ориентир. Незыблемыми оставались только стоящие в море скалы: до последнего выступа оставался еще значительный пробег по волнам. Я продолжала грести. Нельзя сказать, что это мне легко давалось. Я давно не плавала и потеряла форму, дыхание сбивалось, и зыбь забивалась мне в глаза и уши. Наконец я поравнялась с последним выступом скалы в море. Здесь нужно было свернуть в сторону, в открытое море. Вырез фьорда заканчивался и открывался внешним краем в округлую бухту.

«Вперед и в сторону под небольшим углом к берегу», – скомандовала я себе. «Легко сказать!» – отрезвила меня встречная мысль. Какие-то водные завихрения таскали меня взад и вперед. К тому же, из-за прыгающих волн я то и дело теряла из виду очертания скал – мои единственные ориентиры. Я немного проплыла брассом и остановилась, соображая, где можно было

начинать нырять. Для старта я слегка погрузилась с головой в воду и открыла глаза. Ничего кроме мутной воды я не увидела. Вообще я плохой ныряльщик: при небольших глубинах мне иногда удавалось доставать до дна, но здесь, на глубине, в беспокойном море, мои шансы были невелики. Еще немного покрутившись, я решила, что уже нахожусь в надлежащем месте: ящик должен быть где-то здесь! Я вдохнула порцию воздуха и сделала неуклюжий кувырок под воду. Водная масса затащила меня на глубину. Я почувствовала это, оказавшись полностью во власти морской стихии. Я вновь открыла глаза. В темном полумраке тусклыми бликами прыгали валики поднимающейся со дна воды. Они закручивались в косые трубки, вытягивались и распадались на округлые сегменты. Я выскочила на поверхность, отдышалась и повторила свой нырок. Вторая попытка принесла мне немного больше успеха. Я смогла разглядеть часть донного рельефа, покрытого осадками, и глыбы, ускользающие вглубь под откос. Мне даже привиделся какой-то светлый выступающий предмет, находящийся чуть в стороне от того места, где я ныряла. Воздух закончился, и я размашисто погребла на поверхность. Мне пришлось отдохнуть, я отрывисто дышала, уши были забиты водой, а в глазах мельтешила какая-то муть. В какой-то момент я даже решила прекратить свои безрезультатные попытки. Труд ныряльщика был тяжок. Я без сил болталась на волнах, пока не решила продолжить свой поиск.

Я ныряла снова и снова, потеряв представление о времени. Судя по всему, было уже поздно. Даже в летний вечер сумерки почти полностью нависли над морем, и только на горизонте, как след минувшего дня, оставалась тонкая светлая полоска, как порез между небом и морем. Я уже видела контейнер на дне. Его светлый металлический корпус выделялся на фоне темных скальных выступов. Я подумала, что надо торопиться. Ночь здесь, на юге, наступает быстро. В полной темноте мне не выбраться отсюда, а остаться ночевать – опасно!

В одну из попыток ухватиться за сундук мне удалось не только коснуться его поверхности, но и рвануть на себя рукоять крышки. Застрявший на донном уступе контейнер находился в наклонном положении. Очевидно, при ударе о водную поверхность его сильно потрянуло. Поэтому когда я потянула на себя рукоять крышки, она просто отвалилась, оставшись болтаться на одной петле. Я сделала еще рывок вниз и ухватила за край открывшегося контейнера. Он был обит широкой пластиковой лентой, местами порванной и частично припаянной к выпуклой поверхности внешней части крышки-дверцы. Внутри ящика лежали какие-то крупные свертки, также запаянные в толстый пластик. Из последних сил я рванула на себя самый верхний из них, и он, поддавшись, выскользнул наружу. Пока я гребла наверх, я почти не чувствовала тяжести пакета, возможно, потому, что вообще потеряла чувствительность. Вынырнув на поверхность, я огляделась и, наметив курс на ближайшую скалу, из последних сил начала грести одной рукой, вцепившись другой в пакет, такой тяжелый и скользкий от воды и пластикового покрытия. До скал оставалось совсем немного, каких-нибудь десять метров, но рука, державшая пакет, сильно затекла, и мне пришлось остановиться, чтобы перехватить сверток и отдышаться. Я чуть не лишилась сознания: какой-то звериный хрип вырвался из легких, а из носа брызнула вода. Отдохнув, я погребла дальше, приближаясь к спасительным скалам. Так я останавливалась еще два раза, перехватывая пакет и подруливая свободной рукой. Наконец показались скалы с мелководьем у подножия. Первый встретившийся мне скальный выступ был неудобен для привала. Он имел резкие грани и остроконечную форму вершины, но даже он показался мне спасательным кругом среди тьмы колышущихся волн. Я приросла к нему вместе с пакетом и долго, натужно дышала, со свистом изрыгая воду из всех возможных крапов, предусмотренных телом.

Почувствовав облегчение, я прошла по мелководью вдоль гряды по направлению к берегу, пока не остановилась у скалы, с виду похожей на парус. Я обнаружила в ней значительную по глубине ложбину, прикрытую сверху, как навесом, продолговатым тяжелым осколком. Очевидно, он давно уже был отделен от основной массы сыростью, штормами и водным выветриванием и только ждал своего часа, чтобы рухнуть в лежащую под ним в скале расщелину.

Мне стоило больших усилий затолкать в эту лузу пакет. Именно там ему суждено было ждать моего возвращения. Я прикрыла брешь со свертком нависшей глыбой, раскачав ее и обрушив в расщелину.

«Все, – сказала я себе, прикрыв глаза, – возвращайся домой, если не хочешь остаться здесь навеки!» Но разум слабо слушался меня, поэтому я и поплыла за вторым свертком. Ветер крепчал, и волны сильнее хлестали меня по ушам. Я врезалась руками в темно-антрацитовую воду, пытаясь не сбиться с курса. Становилось все трудней удерживать в памяти то место, где лежал на дне открытый контейнер. Очертания скал растворялись в наступающей темноте, и мне приходилось ориентироваться скорей по всплескам волн, ударяющимся об их края. Наконец я очутилась в точке, где ныряла за первым пакетом. Я узнала это место по ощущению движения и температуре водных потоков. Наверное, так рыбы чувствуют глубину и направление течения. После нескольких попыток заново нырнуть мне наконец удалось разглядеть в темноте злополучный контейнер. Он находился чуть глубже, чем в начале моего заплыва, соскользнув со склона. Лежащий сверху пакет провалился нижним краем вглубь ящика, заполняя пространство изъятого мной первого свертка. Верхний угол торчал над краем контейнера, елозя вдоль стенок под действием волн. Я боялась выплыть на поверхность: сундук мог в любой момент продвинуться дальше вниз по склону. Тогда бы я уже не смогла нырнуть так глубоко, поэтому, рискуя остаться совсем без воздуха, я протолкнула себя вниз и ухватилась за край пакета. Сверток поддался моему рывку и выскользнул на поверхность из ящика. Мне он показался немного меньше первого, но я устала, поэтому тащить его мне было тяжелее. Отчаянными рывками я стала выгребать наверх. В последний момент перед всплытием я увидела, как легший на бок контейнер пополз по склону вниз, выкинув наружу еще несколько мелких свертков. Крышка его болталась на одной петле и прошла по кривой прямо у меня перед глазами. Мне посчастливилось избежать удара. Я устремилась ввысь, хватаясь за воду свободной рукой и ногами, но груз тянул вниз, и я была измождена до предела!..

Очевидно, мне все же суждено было выплыть на поверхность, но когда это наконец произошло, силы оставили меня, и я болталась на волнах почти без чувств. Судорога в сжатой руке отрезвила меня. Я перехватила пакет и немного отдохнула, работая только ногами. Вскоре и ноги стало сводить, поэтому я медленно двинулась в сторону берега. Я не хотела подплывать близко к скалам. Там волны с силой колотились о выступы, но и плыть по прямой к берегу было опасно: обратный поток относил назад в море. Это еще не были настоящие разрывные течения, но волнение моря давало эффект отлива, поэтому я подплыла поближе к скалам, где завихрения снижали скорость оттока водных масс в направлении моря. Скалы приближались как бы сами собой, закидывая меня на мелководе. Я оборонялась как могла, стараясь избегать подводных выступов. Я доплыла до крайней скалы-пирамиды и решила уже сделать поворот в сторону берега. Я не была уверена, что смогу в темноте и водной зыби найти другую расщелину для пакета. Было уже темно, а волнение у подножия валунов не позволяло вскарабкаться на скальные выступы, поэтому мне предстояло совершить путь до берега и спрятать мой сверток где-то на склоне у пляжа. Я уже немного отплыла от крайней скалы и взяла направление на берег, как вдруг набежавшая волна с силой грохнула меня об острую поверхность каменного уступа. К счастью, мне удалось немного смягчить удар выставленным вперед пакетом, но водный поток слегка оттянул меня назад и вторично толкнул на подводный уступ, хотя и с меньшей силой. Я почувствовала резкую боль в колене. Удар пришелся по самому своду, но, видимо, был скользким, и кость осталась цела. Так я решила, разгибая в воде ногу.

Я смогла проплыть еще несколько метров до той скалы, где я спрятала первый сверток. Это был второй со стороны моря крупный выступ, не считая мелкой гряды невысоких валунов, окружавших скалы. Мне удалось встать ногами на дно и немного перевести дух. Потом я шла по дну какое-то время, цепляясь руками за камни, чтобы не утащило обратно в море.

Я хотела проверить, надежно ли был спрятан мой первый пакет, но времени на это совсем не оставалось. Я только знала, что расщелина, куда я его закинула, располагалась довольно высоко над зоной прибоя, а глыба, прикрывшая лузу, была велика и объемна для того, чтобы быть запросто сдвинутой кем бы то ни было. Это успокоило меня, и я продолжила свой путь к берегу. Под ногами скользили массы гравия и песка. Я несколько раз падала в воду, закрученная водоворотом мелких волн. Пакет, как якорь, удерживал меня от скольжения.

Вскоре подводные выступы закончились, как и мелководье, и мне пришлось снова плыть, но теперь уже было близко до берега, и вскоре я вновь ощутила дно под ногами. Перед тем как

выбраться на берег, я снова потеряла равновесие и упала в воду лицом, наглотавшись соленой песчаной взвеси. Я также проехала разбитым коленом по гравию и чуть не завопила от боли, едва не выпустив из рук пакет.

Когда я выбралась на берег, было уже темно. Одежда, которую я оставила на пляже, почти совсем исчезла из виду. Вокруг по-прежнему не было ни души. Я подтянула к себе пакет и усе-лась на гальку рядом с брошенной на землю одеждой. В этот самый момент я со всей отчетли-востью почувствовала, как нестерпимо заныло колено! Я немного повернулась к светлой части пляжа. При тусклых бликах от воды и дальнем зареве городских огней я стала разглядывать поврежденную ногу. Горячая струя обволокла икры и достигла лодыжки. Из раны текла то ли кровь, то ли сукровица – в темноте я только видела темные струи. Рана была нехорошая: кусок кожи отставал от поверхности колена, оттуда и сочилась кровь, но кость, судя по всему, не была повреждена. Колено сгибалось.

Я подтянула к себе лежащую на песке холщовую сумку, открыла ее и нашла косме-тичку, вытщила флакон дезодоранта и несколько оставшихся увлажняющих салфеток – то, чем обычно пользуюсь в жару в городе. К счастью, дезодорант был дешевый, на простой спир-товой основе. Я побрызгала им на рану и чуть не завопила на все побережье! Наложила одну салфетку, другую, протерла остатками из пачки ногу, сверху наложила целлофановую обертку от упаковки и крепко обмотала своим эластичным лифом.

С трудом встав на ноги, я скинула с себя остатки мокрого белья и влезла в бриджи и футболку. Отстегнула от сумки ремешок и еще раз обмотала рану поверх брюк. Нога затекла, но все же я могла ходить. Я принялась разглядывать прибрежные скалы в поисках хранилища для второго пакета. В темноте я едва различала очертания уступов. Тащить пакет наверх было тяжело и опасно. Даже днем в полном здравии это потребовало бы немало усилий, но сейчас это было невыполнимой задачей!

Неожиданно мне пришла в голову мысль, а точнее – воспоминание. Когда-то в студен-ческие годы мы жгли здесь костры, гуляя до полуночи с бóльшим размахом, чем нынешняя рафинированная молодежь. То была для многих летняя практика, но я уже тогда работала по полной программе. Нам доставалось от начальства за ночные выходы. Были предложения вообще закрыть вход на пляж со стороны отделения. Так впоследствии и сделали. Основной мотивацией было то, что мы оставляем мусор на пляже, что портит не только вид, но и эколо-гию побережья, о чем особенно сетуют местные биологи. Вряд ли мы оставляли много мусора в те годы. У нас его просто не было. Но мы стали тщательнее маскировать следы своего пре-бывания на пляже, и весь оставшийся хлам от вечеринки сбрасывали в щель в скале, которая тянулась вдоль берегового уступа на узком пляже вдоль фьорда второй по счету щели. Все это было около десяти лет назад, но я все еще помнила место этого тайного захоронения. Обычно мы собирали мусор, заталкивали его вдоль щели, а сверху присыпали мелкими камнями. Щель та была достаточно глубокой и представляла собой брешь между склоном и почти отдельно стоящим выступом, поэтому мусор охотно проваливался вглубь, никогда не заполняя рытвину доверху.

Это место было где-то здесь, неподалеку. Надо было пройти вдоль пляжа по направле-нию к отвесной береговой скале, где закруглялся узкий врез каньона. Я побрела по заданному направлению, прихрамывая на большую ногу. Резь в колене усиливалась. Хоть бы уж найти этот самый уступ и запрятать быстрее тот сверток. Сюда могли прийти с проверкой береговые службы! Даже в темноте я узнала то место – уступ с узкой щелью!

Я остановилась у крутого скального склона, сверху поросшего мелким колючим кустар-ником. Сухие ветки валялись на пляже у подножия склона. Было видно, что это место давно уже утратило свою былую популярность. Только я одна стою в раздумье о днях былых! Со стоном боли я привстала на большой камень, тот самый, что служил нам ступенью к расще-лине, и осторожно провела рукой в надежде обнаружить щель. Там действительно оказалось

пространство. Я пошевелила кистью, пытаюсь определить, насколько оно велико. Рука до дна не доставала. «Пакет поместится!» – решила я. Осталось его притащить, поднять и затолкать! Для того чтобы убедиться, что сверток войдет в карман полностью, я просунула в расщелину сухую ветвь, свисавшую вниз с кустарника на склоне. По моим подсчетам, выемка была чуть меньше метра в глубину, если не считать, что на дне мог быть рыхлый грунт, который еще был в состоянии просесть под грузом. «Стоит попробовать!» – решила я и только тогда спустилась с валуна.

Ухватив пакет, я подтащила его к уступу и заволокла сначала на стоящий рядом камень, а потом на борт расщелины. Край свертка был немного порван, и оттуда торчал кусок толстой оберточной бумаги.

«Может, посмотреть, что там внутри, если уже наметилась брешь?» – подумала я, но надвигающаяся ночь, отекающая нога и начавшийся дождик подстегнули мою решимость поскорей запрятать находку и поспешить в обратный путь. Я столкнула пакет в скальное пространство, услышав, как скрипнул пластик обшивки при трении о стенки вместилища. «Вошел полностью!» – обрадовалась я.

Пришлось еще несколько раз спускаться и подниматься на ступень перед уступом, таская камни для закрытия бреши. Наконец плотный слой береговых осколков лег сверху на прорезь в скале. В довершение работы я расправила и раскидала ветви кустарников, которые беспорядочно раскинулись вдоль склона. «Теперь пусть ищут! – подумала я не без злорадства, – даже я сама спустя месяц-другой не найду!» Пыль и мелкая осыпь с горы замуруют остатки расщелины!

Я присела на камень, пытаюсь определить, не оставила ли невзначай что-то из личных вещей. Потом я свернула сумку вдвое, заткнув ее за пояс брюк, пощупала промокшую повязку на колене, встала с камня и в темноте побрела назад, в сторону основного пляжа. Дождь усилился. Я чувствовала, как промокла на спине футболка. Волосы слиплись, и я даже не пыталась их расчесать: они были полны песка и застрявшего мелкого щебня. Я лишь пригладила их немного и откинула со лба назад. Я смотрела под ноги, стараясь не навернуться в темноте на булыжник и не пропустить случайно выроненную из сумки вещь.

Вскоре я оказалась у каменистого мыса, клином уходящего в море. Прибой не оставил сухой бреши на пляже, и мне пришлось идти по воде. Края моих коротких брюк намокли, да и сама я, шагающая под дождем, имела жалкий вид. «Хоть бы никого не встретить по дороге! – молила я провидение. – Может, удастся проскочить незамеченной!» Так я подошла к спуску и, увидев перед собой лестницу, пришла в ужас. Колено нестерпимо ныло, повязка сползла и промокла, нога еле двигалась. Дождь намочил шаткие наклонные ступени. Часть из них исчезла в зарослях растительности, а те, что были видны на поверхности склона, зловеще поблескивали под дождем!

Там, наверху, вдоль шоссе, тусклый свет фонарей падал на дорогу и освещал часть берегового склона. Можно было различать предметы, но тень от скального уступа почти полностью скрывала подъем на гору и скрытые в кустах перила. Я ухватилась за нижний шаткий столбик у края лестницы и здоровой ногой наступила на первую ржавую ступень, наполовину скрытую под грунтом. Поверхность немного прогнулась, но выдержала мой вес в рывке наверх. Я затолкала сумку глубже внутрь брюк, боясь, что она может вывалиться где-нибудь на склоне. Если бы это случилось, я бы ни за что не смогла ее поднять, а там были документы и ключи от машины. Это был бы полный провал!

Я продолжала нащупывать мокрые покатые ступени, хватаясь за них руками, оценивая их прочность и наклон. Потом я поворачивалась в сторону, ища перила, с усилием подтаскивая себя чуть в сторону и чуть наверх. Вся эта хлипкая конструкция то и дело швыряла меня из стороны в сторону. Я с усилием и несвойственной мне быстротой перехватывала скрипучие опоры перил. Каждый шаг отзывался леденящим ужасом, перехватывая мое и без того неров-

ное дыхание. Я лезла вверх, как пьяная обезьяна: одно неверное движение – и нет такой! В голове была только одна мысль: «Уж хоть бы выдержал этот старый ржавый трап!». Наконец я заметила, что перила стали чуть светлее, а ступени заметнее торчали из земли. Свет придорожных фонарей возвестил о конце подъема. Показалась бровка склона, а с ней и желанная горизонталь асфальтового покрытия.

Я сделала последний рывок и очутилась на обочине шоссе, ведущего в Южное отделение моего института, в реальность которого я уже перестала верить, как, впрочем, в тот момент в любую реальность! Мне опять повезло: возможно, из-за плохой погоды и позднего времени на дороге было мало машин. Никто не обращал внимания на припаркованного на обочине старого уродца, который терпеливо ждал свою незадачливую пассажирку – скажем так, чтобы не оскорблять звания «водитель». Я вышла на грунтовую часть дороги и насколько могла быстро зашагала к своему внедорожнику. Мимо промчалась машина, осветив меня на миг фарами, и свернула на основное шоссе. Я собиралась проделать тот же путь, поскольку не была уверена, что дотяну до отделения без остановки на заправку.

На углу при повороте была небольшая автозаправочная станция и здание автосервиса. Наши сотрудники из отделения иногда чинили мелкие поломки. Место было известное, и цены «не кусались». «Может, смогу пополнить бак немного, если других машин не будет», – подумала я.

Уже приблизившись к плешивой площадке, где стоял мой Land Rover, я, точно очнувшись от шока, вдруг бросилась к дверям машины. Дрожащими руками я достала из сумки ключи и, распахнув спасительную дверцу, нырнула в кабину. Не веря в успех, я повернула ключ и, вздрогнув, сдвинулась с места. Так я ехала какое-то время, наслаждаясь мыслью, что жива и двигаюсь вперед. При повороте на шоссе я все же заехала на автозаправочную станцию и остановилась у крайнего автомата. Других машин на станции не было. Я порылась в сумке и с сожалением обнаружила, что карту оставила дома в другой сумке, а несколько мелких купюр были чудовищно смяты и мокры от дождя и морской воды, через которую я пробиралась у мыса. Увы, они не лезли в слот! Я могла пойти на станцию и оплатить покупку бензина там, но весь мой вид вызывал подозрение, к тому же на штанине расплылось темное пятно, поэтому я не рискнула зайти внутрь стекляшки.

Постояв так в раздумьях, я решила продолжить путь на оставшемся в баке бензине. Водитель ведь сказал, что должно хватить, если не ездить в город. Мимо меня от здания автосервиса отъехала какая-то машина. Мне показалось, что водитель чуть замедлил ход, выезжая на дорогу. Это подстегнуло мою решимость тотчас же выехать отсюда и погнать из последних сил в отделение! Я села за руль и выехала на дорогу с другой стороны автозаправки. Въехав на шоссе, я гнала, ни о чем не думая, и очень скоро оказалась на площади у ворот и проходной на территорию отделения Института.

Было уже поздно. Дежурный вышел из будки и, узнав меня и машину, открыл ворота. Я подрулила к административному корпусу, отдала ключ от машины вахтеру и понеслась через газоны и клумбы к своему коттеджу. Я была дома, чтобы это ни значило! Какой-то странный хрип вырвался у меня изнутри. Я грохнулась на стул и вытянула ногу. Из-под повязки просачивалась струйка желтовато-розовой клейкой жидкости. Я достала с полки аптечку и пошла с ней в душевую. Это была маленькая задняя комнатка, облицованная кафелем, с мойкой, туалетом и зашторенным уголком с душем. Вода из шланга часто текла прохладная, если вообще была в доступе. В этот раз был небольшой чуть теплый напор, но я была рада и этому!

Я осторожно размотала повязку и с тошнотворным чувством взглянула на рану: голубовато-багровый ореол расплылся на распухшем колене. Кусок оторванной кожи приклеился к ссадине, и из-под него сочилась кровянистая жижа. Я смочила тампон «перекисью» и осторожно протерла участок вокруг раны, громко всхлипнув от боли. Наложила повязку, закрепила пластырем и сверху обмотала эластичным бинтом. Просунула ногу в целлофановый пакет для

мусора, закрепила сверху резинкой и только тогда полезла в душ. Помывшись, я закуталась в полотенце, натянула фланелевую робу, скинула с ноги пакет, побросала туда промокшую грязную одежду и закинула его в угол под кровать в надежде завтра же постирать в прачечной.

Без сил я легла в незастеленную постель, накрывшись легким шерстяным пледом, хотела поставить на плиту чайник, но уже не могла встать. Я сделала несколько глотков воды из бутылки на столике, запив таблетку аспирина, и закрыла глаза. По лицу текла морская вода, застрявшая в пазухах носа. Я наклонила голову, сливая струи на пол. Мысленно я все еще продолжала грести среди штормовых волн, пока не погрузилась в короткий тревожный сон. Среди ночи я проснулась и приняла еще лекарства. Боль не на шутку разыгралась. Я старалась не стонать слишком громко, чтобы не дать повода соседям принять меня за нормальную женщину. Увы, таковой я никогда не была! Я решила утром пойти в медпункт, если только он будет открыт. Боль в ноге вызывала у меня опасение. Возможно, придется вызвать такси, съездить в город и записаться на прием к хирургу. Этого мне не хватало перед самым рейсом! Шеф будет в шоке: «Опять у вас разлом!»

Так, преодолевая боль, я дождалась утра. Забрезжил жиденький рассвет, и ветер все еще задувал. «Скорее всего, сегодня мы не выйдем в море», – подумала я, обнадеживая себя поездкой к доктору. «С острой болью примут без очереди. В травматологию – прямой дорогой! Короче – доигралась! Надо бы что-то придумать, отвечая на вопрос, откуда такая травма!»

Я пыталась представить, при каких обстоятельствах могла бы я заполучить себе рваную рану. Скажу, что не заметила щербатую ступеньку тротуара в темноте и поскользнулась под дождем, упав на придорожный камень. Тут можно упомянуть неудачную парковку при въезде в город в поисках студентов. Объяснение, конечно, рассчитано на людей доверчивых, с какими я вообще редко имею дело, но выбора у меня не было. Плохо, если мне придется задержаться на берегу на несколько дней: рейс и так сократили, а работы на разломе могут вообще отменить. Придется выйти в море независимо от предписания врача. Если кость не повреждена, то процедура в клинике не должна занять много времени. Мечта о полноценных сейсмических исследованиях на участке разлома и отработке запланированного полигона разбивалась о реальность – простую нехватку времени, да еще и возможную задержку рейса из-за штормовой погоды и моей больной ноги! Я вдруг со всей реальностью ощутила масштаб моего вчерашнего приключения. Для меня оно еще не закончилось: я все еще плыла в штормящем море. Только сейчас я осознала, что мной было проделано что-то, что не имело отношения ни к научной задаче, ни к предстоящему рейсу. Поиск студентов обернулся для меня весьма опасной авантюрой, весь размах которой я пока не до конца осознала, но едкий страх уже пробирался под кожу, а может, меня просто знобило и жар шел от воспаленного колена.

Я взглянула на часы, было 6:30 утра. Может, вызвать скорую? Нога распухла от колена до стопы и почти не сгибалась. Все же решила подождать, пока откроется медпункт на территории отделения. Это был небольшой офис в одном из корпусов, где сидела молодая девушка-медсестра и флиртовала с молодыми сотрудниками и студентами. «Может, хоть сделает укол и сменит повязку», – понадеялась я. Вряд ли она сумеет профессионально обработать рану. Придется ехать в город, а это – втык от шефа за мою бесшабашность!

Я лежала на постели с горячей головой и сухими губами. Потом я все же встала, кое-как оделась и, не узнав себя в зеркале, вышла из коттеджа. Я еле доплелась до медпункта, который, как и предполагалось, был закрыт. Тогда я побрела в центральный корпус в надежде встретить шефа и узнать о дальнейших планах. Там тоже было пустынно. Я немного посидела на скамейке у столовой, не желая возвращаться в коттедж. Возможно, кто-нибудь пойдет на завтрак, и я смогу узнать последние новости. Мимо скамейки бодро прошагал студент. Увидев меня, он резко остановился.

– Вас вчера весь вечер искал Вадим Борисович! – сообщил мне парень сходу. – И Андрей Георгиевич тоже! Не могли дозвониться, а кто-то сказал, что видел вас у проходной на машине, а еще что вы уехали в город и не вернулись!

Тогда я встала со скамьи и заковыляла по направлению к коттеджу, где жил шеф. Я постучала в дверь, он тут же открыл, весьма удивленный моим ранним визитом.

– Наконец-то! Куда вы вчера запропали? Водитель сказал, что вы взяли машину и помчались в город на ночь глядя! Что за прихоть, в самом деле?

– Я поехала искать студентов – по вашей просьбе!

– Но все студенты были на местах, по крайней мере вечером! А вот вас мы долго ждали! У вас что, была встреча?

– Нет, я просто упала на стоянке в дождь и разбила колено. Сейчас ужасно разболелось!

– Я так и знал, что вас нельзя выпускать из ворот! Сильно покалечились?

– Да, ссадина глубокая, а медпункт закрыт. Не знаю, может быть, есть смысл съездить в город в травматологический пункт?

– С вами инфаркт можно схватить! Конечно, поезжайте! Постойте, я сейчас позвоню Андрею, чтобы он вас отвез! Сегодня все равно в море не выйдем. Я связался с капитаном. Он говорит, что к вечеру, если море успокоится, то пароход придет в бухту, а завтра до обеда, может, выйдем в море.

Шеф набрал номер Андрея: «Андрей, привет, тут такие дела... сможешь подойти ко мне прямо сейчас? Отлично, жду!»

– Не знаю, – обратился он ко мне, – там, наверно, платная услуга. Деньги-то есть? А то могу одолжить. Потом, после рейса отдашь!

– Да, есть немного на всякий случай.

– Тогда иди, собирайся, паспорт возьми! Андрей подъедет к тебе на машине.

«Вдвоем с Андреем! – подумала я. – Вечно он в окружении!» Я зашла в свой коттедж, взяла документы и деньги, подкрасилась. Вид у меня был ужасный.

В дверь постучали. На пороге стоял Андрей. Он взглянул на меня в изумлении.

– Что тебя понесло в город в такую погоду, да еще на такой рухляди? Там вообще все на ходу отваливается!

– Я искала студентов!

– Правда? А я решил, что это они искали тебя! Ладно, садись, поехали! Что с ногой?

– Упала!

– Где там можно было упасть? Кувырок за стойкой бара? Они ведь дальше не ездят!

– Возле бордюра на стоянке.

– Там есть бордю-ю-юр?! Какой сюрприз! Вот, право, не знал! Город хорошеет на глазах!

– Был дождь, я не заметила этой ступеньки.

– Слушай, ну, ври шефу, ему за это платят. Когда уже за пятьдесят, то все равно! Он привык. Но я-то за что страдаю?

Я хотела сказать: «За блондинку!» Вообще мы с ним всегда слегка «на ножках»: кто глубже всадит.

– Ладно, – сдался Андрей, – можешь не говорить. Тебе же хуже! Чистосердечное признание – вообще не твой удел! Все равно потом узнаю... из местной прессы!

Мы выехали на основное шоссе, и он погнал к ближайшей клинике. Пришлось постоять в очереди в регистратуру. Нас набралось человек 5–6. Одного укусила оса куда-то в область глаза. Бедняга натянул на голову капюшон.

Мы уселись с Андреем в приемной в ожидании вызова. Андрей начал дергаться и предложил пройти без очереди, как в случае с острой болью. Я поколебалась.

– Вся ты в этом! Понахальнее надо быть, понаглее! – Он встал и заглянул в кабинет доктора. Вышла медсестра, и он о чем-то поговорил с ней вполголоса. Женщина кивнула. Я

облокотилась на спинку стула и чуть прикрыла глаза. Меня мутило. Андрей подошел ко мне и тронул за плечо:

– Потерпи, сейчас вызовут!

В это самое время мимо нас проходил доктор, он только что вышел из процедурного кабинета и направлялся к себе в приемную. На нем был хирургический халат голубого цвета, лицо чуть прикрыто спущенной вниз повязкой. Увидев меня, он резко остановился и спросил: «Что у вас?»

– Разбила колено. Острая боль!

– Когда случилось?

– Вчера вечером.

– И вы до сих пор ждали? Почему скорую не вызвали?

– Я здесь в командировке, решила подождать до утра.

– Подождать! – ядовито воскликнул доктор. – Тогда и еще подождите минуту. Сейчас отпущу пациента и вызову вас!

Он показался мне грубым, и я слегка струсила. Он скрылся в кабинете. Я почти не разглядела его лица, но он мне понравился, как это часто бывает со страху. У него были зелено-ватые карие глаза с легким прищуром и чуть сведенные у переносья брови. Это мой тип мужской привлекательности, и это мой собственный облик в полутемном зеркальном отражении в прихожей. Мы с ним были чем-то похожи, а это всегда интригует! Присущий людям нарциссизм притягивает подобное. Прошло совсем немного времени, из кабинета вышел парень с забинтованной рукой. Вместе с ним в коридоре показалась медсестра и сделала мне знак войти.

– Удачи тебе, не трусь! – кинул мне вслед Андрей.

Я вошла в кабинет. Доктор сидел за столом и что-то писал.

– Итак, колено. Плохое место для травмы! Раздевайтесь.

- Что, совсем?
- Снимите обувь и освободите бедро.
- А можно юбку просто подогнуть?
- Можно.

Медсестра размотала мою промокшую повязку, и когда отдирала пластырь от раны, я слегка взвыла. Доктор закончил писать и подсел ко мне, изучая картину моего увечья.

– И вы тянули до утра! Колотая рана! – мрачновато произнес он. – Где вы так себя не пощадили?

- Упала на стоянке машин в городе в дождь и рассекла колено о бордюр.
- Плохой вам попался бордюр! – заключил доктор и что-то быстро сказал медсестре.
- Было темно. Я спешила, там были еще камни у дороги. Пошла кровь, я заклеила пластырем. Дома обработала «перекисью». Ночью разболелось. С утра – к вам!
- Предположим, – сказал доктор и дал какие-то указания медсестре. Мне сделали рентген.

– Кость, слава Богу, цела! А рану зашьем! – продолжил он. Мне сделали укол и наложили шов на сгибе колена. Тугая повязка завершила дело.

– Можете одеваться, – сказал доктор, закончив процедуру.

Я встала с места и только сейчас обнаружила, что нахожусь в операционной: кусок реальности выпал из сознания. Потом была еще какая-то писанина в его приемной, заполнение карты, вопросы по ходу. В заключение доктор выписал мне рецепт антибиотиков и болеутоляющих лекарств и назначил день для перевязки.

- Мы завтра уходим в море, – сообщила я.
- В море? А там у вас будет судовой врач?
- Я точно не знаю, обычно в больших рейсах бывает фельдшер, но этот будет короткий.
- Тогда вам лучше отложить экспедицию. Это серьезная травма. Могут быть осложнения.
- Но мне нужно пойти в этот рейс!
- Вы рискуете! Я работал со спортсменами и насмотрелся на халатное отношение к травмам!
- Я не могу отказаться от этого рейса! Это мой шанс завершить диссертацию!
- А потерять конечность не боитесь? Вам что дороже?
- Неужели так серьезно? Шов ведь наложен. Может, само все затянется?
- Затянется, конечно. Но вы рискуете. Я не шучу! По крайней мере, никаких физических нагрузок: покой больному органу! После рейса можете зайти, если я еще не уйду в отпуск. Вот вам контактный телефон. В любом случае проверьте состояние. И впредь осторожней... с бордюрами.

Мне показалось, что он слегка усмехнулся одними глазами. Я вышла из кабинета. Ко мне подошел Андрей.

- Ну что? Ты там долго пробыла!
- Зашили рану. Вот рецепты, надо зайти в аптеку, она здесь за углом.

Мы еще немного посидели в коридоре. Я чувствовала, как ослабевает действие укола и заморозки. Боль в колене снова слегка обозначилась. Мы поговорили о возможности задержки рейса на день-два из-за штормовой обстановки, и я пожаловалась, что хочу в отпуск. Может, повезет разжиться дешевой путевкой на пару недель где-нибудь неподалеку от дома.

Доктор вышел из кабинета и прошел в процедурную, бросив быстрый взгляд на нас с Андреем. Потом мы вышли из здания, зашли в аптеку, закупили лекарства и отправились назад в отделение. Разговор не клеился. Каждый пребывал в своем личном пространстве.

- Ну, что он сказал? Жить будешь? – Андрей снова начал в своем духе понемногу меня цеплять.
- Жить буду, но пока не решила...

– Пока не решила, с кем! – хмыкнул Андрей, явно намекая на мой интерес к доктору.

– Вот именно! – парировала я. Уверенность потихоньку возвращалась ко мне. Это был тот случай, когда дорога домой – уже сама по себе вознаграждение!

Мы заехали на территорию отделения, и он высадил меня у коттеджа. На обед в столовую я не пошла. Отдала свой талон студенту и попросила принести второе блюдо и бутылку воды. Я улеглась на постель, раскрыла журнал и мысленно заново проиграла всю сцену с доктором. А может, правда остаться на берегу? Может, именно за этим я ныряла в штормовое море? Чтобы брюнет зашил мне колено? Этот его быстрый взгляд в коридоре!..

А потом повалили сотрудники. Наверное, от скуки. Зашел шеф, справился о моем здоровье, и наконец явился студент с обещанным вторым блюдом. Я была голодна: желудок прилип к позвоночнику! Подошли и другие студенты, узнав о моей травме во время героического поиска их в городе. Даже блондинка заскочила с визитом. Начались обсуждения последних новостей на побережье, главной из которых была сводка погоды – шторм затихает, а значит – скоро отход! Один из студентов вытащил местную газету, которую кто-то из сотрудников привез утром в отделение. На первой странице шла речь о побеге из города местного чиновника, бывшего директора сейсмологической станции. По предварительным данным, на личном самолете были вывезены важная документация, данные научных исследований в регионе за последние годы и внушительная сумма денег наличными. Я попросила оставить мне газету.

А потом мы сцепились с блондинкой. Она ехидно заявила, что было крайне глупо ломать себе ноги на ровном месте, когда такие события в городе! Я холодно ответила, что бездарно прыгать в пустой бассейн, когда рядом – океан! Каждый понял мой выпад по-своему. Девушка, наверное, решила, что речь идет о выборе Андрея. Тот, в свою очередь, еще не отцепился от доктора, задетый вероятностью занять «вторую роль». Остальные с интересом наблюдали, как бьются две самки за первенство в стае. А я пожалела о своих словах. Надо было дать ей выиграть. Есть тип борьбы, когда необходимо давать сопернику липовый шанс и, не уставая, приучать его к ложным победам!

На следующий день мы вышли в море. Таможенный осмотр парохода перед выходом из бухты занял несколько часов. Такого здесь еще никогда не было. Рейс был по сути каботажный. Мы даже не выходили в нейтральные воды. Но проверяли все до последнего помещения. Просмотрели все упакованное оборудование в лабораториях, рылись в личных вещах сотрудников и команды, отвинчивали решетки вентиляторов. Машинное отделение, трюмы, камбуз были обысканы до последнего тюка и кастрюли, расчехлили лебедки и компрессоры на палубе, вскрыли ящики для геологических образцов. Старпом, боцман и шеф бегали по всему пароходу, едва успевая открывать и закрывать емкости.

Капитан стоял на верхней палубе и мрачно цедил сквозь зубы: «Это не проверка, это обыск! Чего они ищут? Ходят слухи о каком-то сбежавшем чиновнике! Предвыборный ажиотаж! Говорят, самолет нашли в горах, а пилот и груз исчезли! Думают, что он мог скинуть с самолета контейнер с грузом в море. А тут пароход ушел из бухты на сутки. Решили, что команда могла заметить ящик и поднять на борт!»

Подошел расстроенный шеф:

– Похоже, мы сегодня вообще не выйдем. Вся аппаратуру перевернули вверх дном!

– Если бы только аппаратуру! Весь пароход изрыли! Разобрали по винтику! В другое время я бы их пригласил и напоил. Но эти просто озверели! – вздохнул капитан.

Поиски оказались напрасными. Таможенники уgomонились и ушли с капитаном в каюткомпанию. А мы разошлись по лабораториям и каютам приводить в порядок бедлам. Наконец таможня покинула пароход, и был дан сигнал к отходу судна. Все высыпали на палубу. Матросы на пирсе сняли концы с кнехтов, и пароход плавно отчалил от пирса. Это всегда захватывающее зрелище. К нему невозможно привыкнуть! В этом заложена не просто суть отхода от берега, в этом кроется тайна любого ухода, величие покидания.

Охваченная романтикой происходящего, я все же думала о том, что крепко «влипла». Что вся эта история не скоро и не просто закончится, что я погрязла в чуждых мне делах, а рассказать об этом некому. И это обостряло чувство крайнего, неизмеримого одиночества. Мурашки по коже! А что если кто-то видел меня в ту ночь на пляже или на автозаправочной станции? Могло ведь такое случиться! Я вдруг вспомнила шутку доктора про «бордюр». Почему я решила, что умнее других? Может, после рейса все уляжется? Я решила, что если таможня возьмется за дело, то очень скоро в море обнаружат ящик с оставшейся мелочью на дне. Прочешут пляж, но вряд ли отыщут спрятанные мной пакеты! Такое непросто найти: там работал не разум – инстинкт! Я еще постояла на палубе в размышлениях о величине авантюры, в которую влезла так, невзначай, под влиянием момента.

Я вернулась в каюту. Потом был ужин, а вечером вся студенческая компания набилась в каюту к Андрею отпраздновать начало рейса. Я тоже поначалу хотела приобщиться к всеобщему веселью, но что-то останавливало меня: наверное, отсутствие этого самого веселья. И в театре, и в жизни труднее всего играть простоту. Великий дар – естество ковёрного! К тому же я, очевидно, проигрывала первенство блондинке. Возможно, доктор был прав, и мне стоило остаться на берегу, сославшись на травму, но меня гнал в море мой разлом. Проходя по коридору, я слышала громкие голоса, смех и звучание гитары в каюте Андрея, но не стала спускаться в его отсек по внутреннему трапу. Я вышла на корму и зашла в лабораторию, разобрала привезенные папки с материалами, судовые журналы, открыла несколько картонных упаковок с чистыми лентами для сейсмических записей и достала бытовую утварь из хозяйственного рундука. Поставила на плитку чайник и решила отпраздновать начало рейса в полном одиночестве, если только такое возможно на пароходе. Я привыкла жить одна, и у меня своя виртуальная реальность, способная заполнить любое пространство. Мои призрачные компаньоны отнюдь не бестелесны. В них больше чувств, эмоций и интриг, чем во многих сущностях реального мира. Они не всегда плод моих фантазий. Иногда мое сознание сталкивается с необъяснимым явлением чьего либо присутствия без каких-либо усилий с моей стороны. Часто «гости» застают меня врасплох. Это делает встречи непредсказуемыми и подчас опасными. Я не одна в этом мире! Мы разговариваем, спорим, иногда ругаемся, и это единственные существа, которые без критики съедают все, что я сама готовлю и ставлю на стол. Я и сейчас достала кое-какую снедь из лабораторного холодильника, постелила на стол чистую бумагу и разложила на тарелки закуски. Я налила себе чаю, разломала на «сегментики» шоколад и уже приготовилась встретить первую сущность. Я знаю, как это бывает: сначала ощущение присутствия – легкий холодок прикосновения в области шеи, потом яркий короткий образ мелькает перед внутренним взором, а затем – отключение сознания и переход в другую реальность. Там нет ограничений, там пространство наполнено смыслом. Я стала ждать. Очень важно, кто появится первым. От этого зависит тема, суть разговора. Не то чтобы меня каждый раз баловали откровениями, но то, что мне надо узнать, мне дается сполна.

Я взглянула на дверь. Она открылась, и в лабораторию зашел наш шеф, научный руководитель экспедиции Вадим Борисович, за ним впрыгнул химик Сергей, потом еще один сотрудник из соседней лаборатории магнитометрии и два геолога с фотокамерами. Наша судовая лаборатория расположена на корме с выходом на палубу. Помещение довольно просторное, и здесь обычно собирается много народу. Увидев расставленные тарелки на столе, вошедшие расценили это как сигнал к началу празднования начала рейса.

– А что вы ребят не предупредили? – поинтересовался шеф. – Они там где-то засели у Андрея.

В лаборатории начал толпиться народ. На столах появилась еда и напитки. На палубе зажгли огни, зазвучала музыка. Начались танцы. Обычно вечер знакомств был предусмотрен, и в некоторых рейсах был традицией первого дня экспедиции. После дневного досмотра неко-

торые люки на палубе и основной проем трюма были наскоро задраены и прикрыты брезентом. В носовой части судна тоже царило оживление, но основным местом встреч оставалась корма.

Пароход шел небольшим ходом, и море было зеркально гладким. Идеальный штиль после штормовых дней создавал иллюзию театральной декорации. Моя нога еще болела и почти не сгибалась, поэтому я уклонилась от танцев и, сидя в углу с бокалом, наблюдала за тем, как веселится на палубе народ. Подошел Андрей в окружении студентов, стало шумно и весело. Я не удержалась и немного покрутилась с ними под музыку при свете судовых огней. Андрей танцевал с ней. Шелковистая грива ее светлых волос то и дело вспыхивала золотым отблеском под лучом фонаря и под светом выглянувшей из-за туч луны. В этом тайна мироздания: гибель планет и цивилизаций – нет силы, отменяющей законы! Невозможно выпить океан! Что в этом случае делают люди? Я вернулась в лабораторию, налила в бокал кем-то забытого в бутылки на столе белого муската и, усевшись на стул напротив открытой двери, уставилась в темноту. С палубы неслась музыка, блуждали тени, рассекая упавшие на покрытие светлые полосы. Завтра начнутся работы, и все встанет на свои места: вахты, обработка материалов – размеренный привычный ритм. «Ничего, справлюсь!» – успокаивала я себя, но что-то царапалось внутри, бастовало.

Кто-то тронул и обнял меня в темноте. Я вытянула руку и отвела ее чуть назад, тронув локоть меня обнявшего: «А, это ты... Да нет, ничего! Все нормально!» Ощущение ушло. Так со мной иногда бывает. Я знаю, кто там, сзади. Просто пока еще не время! Люди пришли с палубы и продолжили пир. Еда и напитки заканчивались, и народу поубавилось. Наиболее стойкие гости остались праздновать до полуночи.

– Смотри, проспипь все со своим разломом! – шепнул мне подвыпивший шеф. Он всегда добывает лежачего. Я встала, вышла из лаборатории, поднялась по трапу на верхнюю палубу, оперлась локтями о борт и стала наблюдать за волнами, летящими из-под корпуса судна. На палубу с мостика вышел капитан и тихо подошел ко мне сбоку.

– Штиль, как на озере! А вы что ушли с танцев?

– Сегодня я плохой танцор. Нога болит.

– А что случилось?

– Упала перед самым рейсом.

– Зайдите завтра к фельдшеру, пусть посмотрит!

– Зайду! А море – прелесть!

– А я по настоящей воде скучаю! После рейса возьму отпуск и отгулы и поеду рыбачить куда-нибудь в глушь, на речку.

– А это разве не вода? – я сделала жест в сторону моря.

– Нет, – просто сказал капитан, – это не вода, это работа!

– А я хотела бы быть моряком! Жаль, что не мужчина.

– Мы все о чем-то жалеем! Я бы взял вас матросом. Дал бы ведро с краской, кисть, ветошь – и чтоб пароход сверкал! – Он улыбнулся. Мы с ним еще поговорили, и он вернулся на мостик. Я спустилась вниз, зашла в лабораторию. Там женщины мыли тарелки и убирали посуду со столов.

«Ничего, обойдутся без меня!» – подумала я и пошла к себе в каюту. Легла, но не могла уснуть. Первый день в море всегда особенный: он как бы закладывает суть, основу всего рейса, выстраивает отношения. Вспомнила старую морскую шутку: «Женщин в рейсе разбирают в момент подъема на судно по трапу». Понятно, кого выбрал Андрей! «Может, и меня уже кто-то приметил? Ах, только бы не химик! – усмехнулась я. – Но кто бы он ни был – он будет лучше Андрея!»

Следующий день начался с собрания в лаборатории. Начальником нашего отряда сейсмопрофилирования был назначен Андрей. Мне досталась вахта с 8 до 12, как обычно, дважды в сутки. В помощники я получила двух студентов – посменно. Андрей отдал предпочте-

ние блондинке, как соруководитель ее диссертации, и вписал в свой график других ребят для помощи в сборе данных. Они заступали на вахту сразу после нас. Остальные члены нашего отряда, включая университетскую молодежь, после дебатов на тему распорядка дня без особых проблем заполнили оставшееся судовое рабочее время. На том и разошлись.

Начались сейсмические работы в котловине, где шел сбор первичного материала для студенческих работ и пополнения архива Института геофизическими данными для дальнейшего построения карт подводных структур региона. Такова была основная программа рейса. Для съемки на разломе было отпущено всего два дня. И хотя я уже не рассчитывала на полноценный полигон, у меня все же оставалась надежда на отработку нескольких качественных пересечений на важных участках в области глубинных нарушений коры. Мое вахтенное время почти полностью исключало социальную жизнь на пароходе, в то время как Андрей собирал студентов у себя в каюте каждый вечер сразу после ужина. Поскольку вахта Андрея начиналась сразу после моей, мне никогда не удавалось присутствовать на их посиделках. Это неизбежно возводило границу, барьер в отношениях. В замкнутых пространствах, таких как пароход, это чувство отчуждения быстро перерастает в конфронтацию. Странное дело – люди с восторгом создают чужаков! Образ «отверженного» необходим для построения системы. Перекинуться многозначительными фразами, понятными не всем, таит в себе прелесть заговора, исключительность, принадлежность к высшей касте. На этом строится любое общество. В этом мощь создания монархий и религий. Пометить свою территорию имеет смысл, только если существует некто, способный ее пересечь! Таких создают, формируют, иначе игра не стоит свеч! Остановка в эволюции! Застой! В крупных городах и организациях это не так заметно. Там иерархия построена сложнее и выстраивается в виде социальных пластов. В маленьких пространствах она носит клеточный характер и столбовую структуру.

Если все же не усложнять атмосферу, царившую на судне, то посещение такого рода мероприятий – дело вкуса. Я начинала скучать минут через десять. В тридцать лет уже волнуют другие частоты. Андрей – другое дело, он любит быть в центре внимания, и рафинированное окружение – его стихия: удобно и безопасно. Бардовская песня и раньше не слишком меня волновала: искусственно зачатая, для избранных, она маркирует момент. На мой взгляд, срок годности ее – быстротечен. Простая деревенская песня с ее монотонным припевом заводит меня сильнее. Поэтому я просто даю возможность своим студентам во время вахты навестить Андрея, поочередно, по-быстрому, по-тихому, без рассказов и комментариев.

Так прошла неделя. Мы отработали два полигона с сейсмической съемкой в котловине. Потом была геологическая станция для сбора образцов донных осадков и переход в другую часть запланированного для работ региона. Там снова сутки простояли на станции, где биологи ловили свой планктон. В столовой также царило разобщение. Андрей пребывал в молодой шумной компании, где не смолкали шутки и смех. Он с радостью пожертвовал свое место в кают-компании, где столовалось начальство и научные сотрудники со степенями. В самом деле, внизу, в столовке, было все проще и вкусней. К тому же буфетчицы вели себя приветливей с «голытьбой» и могли под шумок дать добавки. Я там же скромно делила трапезу за столиком с людьми постарше и поскучнее, как это виделось со стороны. Разговоры велись серьезные, темы поднимались серьезные, замечания и шутки казались сдержаннее. Впрочем, народ в экспедициях заводной, и часто наш столик с успехом обставлял других по разнообразию и интеллектуальности бесед и качеству юмора. Случайных людей среди нас не бывает! У многих за плечами были годы опыта полевых работ в различных местах на море и суше. Забавные случаи, рассказы, комментарии, воспоминания, парадоксы – обычная приправа к нехитрой судовой еде!

Так проходили будни. Я привыкла к своей изоляции. Она не казалась мне столь уж тягостной, когда меня не задевали открыто. Нога моя заживала, но медленнее, чем хотелось: стигать колено было еще больно.

Итак, первый этап запланированных в рейсе работ закончился, и на пароходе устроили вечер отдыха. Праздники на судне – дело обычное, они несут терапевтический эффект. Монотонность существования по расписанию и замкнутое пространство требуют эмоционального выхода. Праздновать решили, как всегда, на корме. Там больше жизненного пространства для сейсмических утех! Поэтому свободные от вахт женщины уже с утра начали готовить еду для вечернего пира и сразу после обеда в помещении лаборатории стали застилать бумагой столы. Лучшие рестораны мира блекнут перед скромным убранством судового банкета! Пасодобли корриды не устоят перед грядущей драмой на борту! Здесь все возможно: здесь порок на грани совершенства!

У нас в лаборатории еще шли работы на ходу судна с попутной съемкой. Я была занята оцифровкой данных. После обеда работы закончились, и народ вывалил на палубу порыбачить. Если случается большой улов, то часть рыбы жарят на камбузе на больших сковородах и противнях. Мелочь обычно разбирают по лабораториям, и там идет своя стряпня. Судовые вытяжки работают на износ в борьбе с ароматами! В отрядах начинается «брожение» и хождение в гости – повальная дегустация рыбацких деликатесов.

Приготовленные блюда уже были расставлены вдоль столов. Принарядившийся народ собирался в нашей кормовой лаборатории. Многие уже успели загореть, работая днем на палубе. Другие умудрялись провести часок после обеда на шкафуте, подставляя себя солнцу и морскому бризу. В рейсах народ хорошеет! Вот показались студенты, за ними другие сотрудники. Я поймала себя на мысли, что жду, когда появится Андрей со своей белокурой дивой. Я была готова к этому и все же знала, что удар будет жестким и устоять будет трудно.

Они появились запросто, как это всегда бывает, когда не существует преград. Вот она рядом с ним: шелковистый поток струящейся по плечам платиновой гривы, загорелая шея, ярко-розовый топ. Мне конец! Интересно, кому-нибудь приходилось соперничать с такой? За ней вошел Андрей: светловолосый, темноглазый, в черной шелковой рубашке с короткими рукавами. Убийственная пара! Меня слегка замутило. Все, что я могла противопоставить – это цвет! Я помыла голову и распустила свои слегка волнистые темные волосы до плеч, чуть тронула помадой губы и влезла в майку цвета моря – мой цвет. И все! Андрей чуть присвистнул: «Нога уже прошла?» Его спутница улыбнулась.

В эту минуту в помещение зашел наш шеф, и народ стал рассаживаться на стульях и сложенных из досок лавках вокруг стола. Я для себя решила: «Пусть вечер будет мирным. Выпьем вина, поедим немного, и я по-тихому сбегу!» Рядом со мной кто-то открыл бутылку светлого вина местного производства. Загодя ящик этого вина раздобыли в артелке. Мужчины остановили свой выбор на напитке простом и прозрачном, разведенном водой до хрустального звона в стакане. Я порадовалась случаю ускользнуть после действия этого зелья. Постою на палубе, проветрюсь и пойду в каюту. Соседка моя наверно будет праздновать со своим отрядом допоздна, что даст мне возможность уснуть в тишине. После первого залпа начались тосты за успешно проведенные работы по первому этапу. Выпили за молодежь – будущее науки, за величие замыслов и грандиозность предстоящих проектов.

Шеф уже немного зарядился горячительным и вдруг, заметив меня, неожиданно выпалил: «Я также надеюсь дожить до защиты вашей диссертации, если только обещанное вами землетрясение не снесет побережье до завершения рейса!» Народ уже захмелел и ждал продолжения. Андрей включился и наскоро подхватил: «Ну что вы, Вадим Борисович, без журналистов гром не грянет! Здесь главное приобщить газеты!»

Со мной рядом оказался весьма приличный человек из другого отряда. Он обратился ко мне со словами: «Вам должно польстить, что на вас твякают. Когда-то со мной было что-то похожее. Не принимайте всерьез!» Я подумала, что надо было бы спросить его имя. Но тут встряла блондинка:

– Ценный совет молодым аспирантам – начинать с журналистов! Главное – нащупать «покруче» научную проблему!

Я хотела ей ответить, что нащупать «покруче» она может и без проблемы, но сдержалась.

– А если это страсть? – неловко вступился за меня парень-студент.

– Вот и я про страсть! – продолжала блондинка. – Мы все желаем славы!

– Но не все берут за хобот журналистов! – усмехнулся Андрей.

Шеф вдруг сообразил, что разговор вошел в опасное русло, и попытался сменить тему. Только сейчас я вдруг заметила, что, готовясь к застолью и расставляя посуду по кругу, я забыла поставить тарелку себе. Положить еду мне было некуда. Я встала из-за стола и подошла к мойке. Все мелкие тарелки уже были задействованы, оставалось одно огромное блюдо овальной формы с волнистыми краями, которому, очевидно, просто не нашлось места на загруженном закусками столе. Я взяла то самое блюдо и вернулась в свой угол. Я выглядела довольно нелепо с огромной пустой посудой, и в этот самый момент меня осенила мысль. Я начала наполнять блюдо всеми видами разложенной на столе праздничной снеди. Для начала я выбрала самый аппетитный кусок жареной рыбы с золотистой корочкой и поместила его в центр блюда. Вдоль волнистого края тарелки один за другим укладывались другие шедевры судового кулинарного творчества: крабовый салат, мясной рулет, несколько черных маслин из банки, кружки зажаренного картофеля с кожурой, кусок слоеного пирога с печеночным паштетом, салат из морской капусты с кальмарами, маринованный перчик и, в довершение всего, несколько поджаренных ломтиков чесночного хлеба.

– Ничего не забыла? – прорезался Андрей.

Я оглядела стол и молча добавила несколько ломтиков лимона.

– Вы что, не пообедали? – иронично поинтересовался шеф.

– Так и фигуру можно испортить за вечер, – поддразнила меня блондинка.

– Смотря чью! – отозвалась я. Затем вернулась к своему месту, взяла бокал и произнесла короткий тост: «За тех, кто делает погоду в море!».

Я отпила глоток, вышла из-за стола и, аккуратно неся бокал и блюдо, начала пробираться за спинами сидящих к выходу. Я дошла до двери, переступила через высокий комингс и вышла на кормовую палубу. Затем я свернула налево от лаборатории, вышла на шкафут правого борта. Прошла немного под навесом, ощущая легкую морскую пыль от хода судна, поднялась по трапу и остановилась у наружной двери. Я немного постояла там в раздумье, поставила блюдо на пол и повернула тяжелую рукоять. Дверь открылась, заманивая внутрь, и я вошла. Прошла несколько шагов по ковровому покрытию и остановилась у каюты капитана. Нельзя сказать, что в тот момент я полностью отдавала отчет в своем намерении войти туда без приглашения. Легкий ужас закрутился вихрем у меня в животе. «Может, пойти к себе в каюту, пока не поздно?» – подумала я. Возможно, я так бы и поступила, но я уже стояла здесь, «под грузом»! «А вдруг его нет, или у него гости? Может, там женщина или кто-то из команды? Тогда просто отдам угощение от нашего отряда и исчезну!» – успокоила я себя и постучала в дверь.

Какое-то время было тихо, я уже собралась уходить, как вдруг послышались шаги в каюте, и дверь открылась. Видно, он принимал душ, волосы были еще мокрые. Я немного струсила, но вдруг заговорила высоким учительским голосом:

– Мы празднуем завершение первого этапа работ. Ребята наловили рыбы, и мы решили вас угостить... от нашего стола, как говорится! Он поднял брови, улыбнулся и сделал приглашающий жест. Не то чтобы моя уловка была совсем бездарна, но весь мой вид говорил сам за себя!

– А я уже решил, что буду ужинать один! – игриво хмыкнул капитан. – А тут такой сюрприз! А какая закуска! Подождите минуту, я только переоденусь. В следующий момент он появился с гладко зачесанными назад волосами и в трикотажной рубашке поло. Он убрал

бумаги с низкого столика в предбаннике, придвинул его ближе к дивану и жестом пригласил меня устроиться удобней на мягких сидениях.

– Такое угощение надо чем-нибудь дополнить!

Там было чем дополнить!

– Я ведь только на минуту, у нас внизу банкет! – пыталась оправдаться я. Спустя какое-то время я взяла пустое блюдо и спустилась в лабораторию. Мне показалось странным, что на корме не играла музыка, не раздавался звук гитары. Я открыла наружную дверь с палубы и вошла в помещение лаборатории. Там еще сидел подвыпивший народ за полупустыми столами и вел неспешные разговоры – обычный вечерний треп. Даже шеф еще не ушел к себе и что-то активно обсуждал с другими сотрудниками. Андрей был среди них. Студенты исчезли. Блондинки тоже не было. Я, стараясь остаться незамеченной, тихо прошла за стенд к мойке и поставила на ее дно свою пустую тарелку. Потом я подошла к столу и стала помогать женщинам собирать грязную посуду. Тут только шеф обратил на меня внимание:

– Мы уже за вами в каюту ребят посылали. Думали, вам стало плохо от съеденного!

– Одной! – ехидно добавил Андрей. Я не ответила, продолжая собирать пустую посуду.

– Чаю не хотите? – продолжал шеф. – Кстати, я хотел поговорить с вами о работах в зоне разлома. Может быть, удастся выкроить лишний день или два и сделать там небольшой полигон. По времени мы успеваем. Я завтра поговорю с капи... В общем, зайдите ко мне завтра часам к 11 утра, обсудим. Только каюту не перепутайте! Моя – справа. И возьмите с собой ваши карты и схему намеченных профилей.

Он встал и пошел к себе. А мы с еще одной женщиной целый час возились у мойки. Потом я спустилась к себе в каюту. Моя соседка уже спала. Я тихо забралась на свою койку и, включив ночную лампу, взялась за книгу. Читать я не могла, и сна тоже не было. «Хорошо, если получится с полигоном. Может, повезет, и удастся сделать нужные мне профили и получить записи со следами молодой тектоники!»

На самом деле я думала совсем не об этом. Когда это все началось с Андреем: в университете или уже позже? Он закончил на два года раньше меня и пришел работать в Институт. Сразу поступил в аспирантуру, был женат какое-то время на профессорской дочке. Вскоре ее семья поехала работать за границу, а через два года родители вызвали дочь, которая ждала ребенка от Андрея. Погостив, она решила там остаться. Какое-то время проблема еще обсуждалась. Потом решила в пользу отъезда. Андрей должен был последовать за женой и также получить право на проживание. Он отказался. Здесь была аспирантура, его родители. Он всегда был популярен и любим. Там ему нечего было делать даже после рождения ребенка. Но они не разошлись. Он бывает там по приглашению. После первого визита он впал в депрессию и даже запил, ударился во все тяжкие, по нескольку дней не появлялся в Институте. Шеф на все закрывал глаза. Андрей был его любимчиком. Но однажды даже он не выдержал проделок своего аспиранта и при всех довольно холодно сказал: «Андрей Георгиевич, хотите – защитайтесь, не хотите – увольняйтесь! И закончим на этом!» После этого Андрей пришел в себя и уже через год защитил диссертацию.

Семинары, конференции, экспедиции, студенты-дипломники – он стал кумиром молодежи: девичьи сходили по нему с ума, парни ему подражали, как могли. А я тем временем поступила в аспирантуру, возможно, потому, что хотела быть равной Андрею. Такой пример! Начались мои мучения. Была ранняя весна: все эти лилово-голубые тени на снегу и под глазами! Это мое время – с конца зимы до середины марта. Апрель – уже не мой. Такая резкость очертаний в мире, такой призыв природы: «Быть!». Стоишь на остановке автобуса и видишь пустую пачку из-под сигарет, лежащую возле урны. В глаза бросаются все изломы, вмятины и острые углы. Замечаешь, как скорчилась эта пустая коробочка в приступе смеха или отчаяния в ожидании дворника с метлой. Приговор и уход! Никто больше не положит ее, лаская, на стол,

не вытянет из глубины картонного тоннеля дурманящий стержень. Так изводила меня та весна. Мир иллюзий заменял реальность.

Мы ездили с ним на его машине пообедать в ближайшее кафе. У него была черная куртка и ярко-желтый шарф. Однажды он зашел к нам в комнату, принес каких-то веток с улицы и воткнул их в графин на моем столе. Потом начались студенческие сессии, экзамены, защита дипломов. Он вел курсовые и дипломные работы у студентов. Начались полевые практики. Он не спешил встречаться с кем-либо серьезно. Для меня это обернулось страстью, наваждением, сверхидеей стать лучшей из лучших и... покорить! Здесь нет начальной фазы и отсутствуют правила, здесь каждый момент – решающий, а бьют больно!

Ваша дверь, говорите, справа, любезный шеф? Тогда мне налево! Я закинула книгу на полку, встала, надела другую майку, подрисовала стрелки у глаз до бровей и тихо вышла из каюты. Я поднялась по внутренней широкой лестнице наверх, туда, где светят звезды. По дороге я встретила блондинку, которая, видимо, возвращалась со студенческих посиделок. Мы обе молча прошли мимо друг друга. Она, по всей видимости, решила заглянуть в лабораторию «с проверкой». Надеюсь, я ее успокоила. Мой путь лежал наверх!

Я вышла на верхнюю палубу и прошлась вдоль борта по шкафуту. Дул легкий ветер с моря, было легко дышать, Я вглядывалась в ночную тьму за бортом и размышляла: «Что же мне дальше делать с этими пакетами? Что в них? Что так усиленно искали береговые службы? Секретные данные по сейсмологии? Упакованные банкноты? Говорят, пилота не нашли. Наверное, он спрыгнул с парашютом и скрылся где-то в сопках. Возможно, ему помогли его люди. Но тогда мне непросто будет завладеть запрятанными в скалах свертками. Пляж будет под прищмотром. Но даже если мне удастся достать те пакеты, то куда я их спрячу и как легализую содержимое? Никак! Сначала надо добыть! А может, капитан поможет? Ему легко зайти на шлюпку с моря! Нет, не стоит рисковать. Подожду!»

Я хотела зайти внутрь парохода и уже приблизилась к наружной двери, как вдруг заметила через дверной иллюминатор тень, мелькнувшую в сторону от каюты капитана. Это была симпатичная буфетчица, предмет обожания всей команды. «Нормально! – подумала я, – мне нужен мой разлом, и только! Вот бы купить небольшое научное судно. Стать владелицей и планировать свои экспедиции... Я бы вновь сделала научные исследования в океане престижными! В моих рейсах участвовали бы лучшие умы в области океанологии и наук о Земле!» Возможно, я так подумала из чувства ревности: вечно кто-то переходит дорогу! «А на остаток из второго пакета, – продолжала фантазировать я, – куплю себе самого красивого парня-жиголо!»

Я спустилась по трапу, с грустью размышляя о том, что остальные варианты для меня потеряны: для одних я стара, для других – умна, для третьих – бедна, для четвертых... сто первая по счету! В марте мне стукнуло 30, но это начало. У меня в запасе есть еще несколько злых и ярких лет!

На следующий день сразу после завтрака я собрала все необходимые материалы и отправилась на расправу к шефу. Переступив порог его каюты, я сразу уловила его мрачный настрой.

– Присаживайтесь и располагайтесь, – пригласил он меня, указывая на длинный низкий столик и стоящие вокруг стулья. Я разложила карты и схемы маршрутов и уселась на один из стульев – тот, что выглядел поудобней.

– Ну вот, давайте посмотрим, где мы сейчас находимся и как заложим первый галс перед разломом. Есть смысл сделать первый профиль к северу от намеченного полигона, потом развернуться и пройти зигзагом вдоль шва разлома к южной его границе. Закончим работы в глубинной части. На склон, понятное дело, не полезем – мелко! Но южное пересечение может дать интересные сейсмические данные и дополнить вашу карту. Само по себе это уже станет новизной работы.

Мы набросали схему профилей на карте.

– Вот, примерно так, – сказал шеф, – более подробной сетки не получится, и это уже много. При скорости судна 6–8 узлов и при хорошей погоде мы едва успеем вписаться в отведенное время! Снимите координаты намеченных профилей и подсчитайте время работ. Потом обсудим подробнее. Возможно, придется подкорректировать по ходу, а пока посмотрите, как новые профили смогут дополнить старые данные. Я зайду в лабораторию ближе к вечеру, до вашей вахты. Если будут вопросы – обсудим! Не слишком ободряйтесь по поводу яркой картины новейшей тектоники. Обычные сбросы, присыпанные осадками. Ну, пара выступов фундамента. А где их нет? В любой разломной зоне есть следы нарушений и выходы их на поверхность! Так что оставьте ваши фантазии на тему активной области разлома! Структура старая, и если где и существуют незначительные подвижки в глубинных частях коры, так это – норма, а не аномальное явление. Я понимаю, конечно, ваши амбиции, но они дороговато обходятся нам с вами! Факты, видите ли, вещь упрямая и требуют проверенных данных! Я прозевал момент, когда вы написали тезисы и подали их на конференцию. Следовало бы для начала обсудить на семинаре, как водится! А вы сразу выскочили с докладом перед широкой аудиторией. Я в это время, как вы помните, был в командировке и не смог проконтролировать ситуацию. А тут все побережье затрепетало от ваших псевдонаучных пророчеств! Пора эвакуировать население! Журналисты с цепи сорвались! Доклад еще можно было бы как-то замять, но вам показалось этого мало: настрочили статью в солидный журнал! Увы, в мое отсутствие эта затея беспрепятственно пролетела в редакцию! А когда я вернулся, статья уже была сдана в набор. Я бы мог еще стерпеть такое, включи вы в соавторы стаю бродячих собак, но нет, вы взяли в соавторы меня! Моя фамилия заискрилась рядом с вашей над всей этой, извините, псевдонаучной галиматией! Теперь все, кому не лень, останавливают меня на улице и задают вопросы о новейшей тектонике на побережье, даже те, кто понятия не имеет, что это такое! Как, впрочем, и я сам не ведаю, о чем, в самом деле, идет речь в вашем опусе! По нескольким сейсмическим профилям не лучшего качества делать такие заключения! Чистейший авантюризм! Приходится прикрываться гипотезой, и я зол, чтобы вы знали! Поэтому я, да и Андрей, вас критикуем, и это нежный лепет по сравнению с тем, что мне приходится выслушивать от сотрудников из других институтов! Да и здесь, на побережье, благодаря вам я стал не в меру популярен. То, что мы вчера слегка прошлись по вашим, так сказать, открытиям, не означало личной неприязни или вызова! Вы же, в своем духе, без объявления войны... с полным подносом... да к судовому начальству! Какая драма! Следует уже быть повзрослей, если уж на то пошло! Пароход – стеклянный, как вам известно! Ладно, это пока все. Я зайду часа в четыре.

Я вышла из кабинета шефа пристыженная. Он был прав, но это не меняло дела. Я намеревалась доказать свою правоту – не из-за амбиций, я действительно убеждена в наличии признаков новейшей тектоники в зоне разлома!

После обеда начались работы, и все вошло в привычный ритм. Я нанесла координаты планируемых профилей и примерно подсчитала время проведения работ на полигоне. Я также размышляла о намерении посвятить капитана в свою тайну. У него есть возможность зайти в бухту с моря. Одной мне не справиться с этой задачей. Капитан явно проникся ко мне симпатией сверх ожидаемой легкой связи, и он не из тех, кто будет болтать. Он, как и я, одиночка по сути. Я понимала, что, скорей всего, он не свободен. Там, за кадром, могут быть осложнения! По возвращении из рейса судно уходило в док на две недели перед следующей экспедицией. Можно было бы успеть! В противном случае мне надо попытаться выбить командировку осенью сюда, на побережье. Мотивирую это необходимостью сбора дополнительных данных по геологии и магнитометрии, полученных отрядами Южного отделения и работой в архивах. Шеф, скорей всего, отпустит меня с целью подготовки годового отчета. Следующий продолжительный рейс планируется в середине сентября. До этого судно будет стоять на пирсе в бухте или где-то в ближайшем порту. Если подгадать, то можно еще застать капитана в городе. Тогда

не стоит спешить с откровениями и раскрывать ему тайну сокровищ. «Буду пока молчать! – твердо решила я, – настанет момент, и я возьму все!»

В лабораторию зашел шеф, и я передала ему листок с координатами. Мы попили чаю и обсудили детали предстоящих работ. Уходя из комнаты, шеф вдруг неожиданно добавил: «Я, в общем, тоже надеюсь на хороший материал на разломе. Это к тому, чтобы вы не подумали, что вы одни заражены энтузиазмом!»

Прошло еще десять дней. Мы почти закончили работы в котловине. Остались сбор образцов геологических материалов на станции и переход в район разлома. Закончился второй этап работ, основной по всем показателям. Окончание работ в котловине совпало с Днем рыбака, к празднованию которого готовился весь пароход. Торжественная часть была намечена на два часа дня и включала в себя поздравление администрации, обед, концерт самодеятельности, танцы и прочие радости судовой жизни. С утра все еще велись работы: была намечена небольшая остановка с погружением оборудования для сбора донных осадков. Опустили якорь, и пароход стоял в море несколько часов. Разрешили купание с борта судна. Еще с раннего утра даже в каюте было слышно, как работают судовые механизмы по спуску оборудования за борт. Грохотали лебедки, тросы, цепи. Я взглянула в иллюминатор. Стоим. Мелкие волны прыгали у оконных стекол. Ранняя вахта с 4 до 8 уже заканчивалась.

После завтрака основной объем работ должен быть завершен. Поскольку судно стояло, сейсмические работы не проводились, и я была свободна от вахты. Займусь построением карт, проведу экспресс-обработку данных. Некоторые работы мы еще выполняем вручную. Студенты гнушаются таких отсталых технологий, но опытные сейсмологи и геологи знают, что даже при использовании новейших компьютерных программ решающее слово остается за интерпретатором. Я быстро оделась и вышла из каюты. Кое-кто из команды уже рыбачил. Капитан тоже иногда выходил порыбачить. Сегодня для этого есть все основания: День рыбака!

Позднее, когда солнце уже сильно разогрело палубу, спустили в воду штормтрап и разрешили купание в открытом море. Я не рискнула лезть в соленую воду с моим заживающим коленом. Впрочем, рана уже почти закрылась, и шов начал рассасываться. Так хотелось поплавать у борта парохода в теплой морской бирюзе! Капитана на палубе не было, он находился где-то наверху, на мостике.

День обещал быть чудесным. Свежий бриз дул с моря. После завтрака все работы закончились, оборудование было поднято на борт. Пароход еще стоял на якоре, штормтрап был спущен в воду, и народ заполнил кормовую палубу. Первыми в воду ринулись молодые ребята из команды. Скинув одежду, другие участники рейса тоже стали прыгать в воду кто как мог. Как это часто случается на стоянках, между лучшими пловцами и ныряльщиками завязалось настоящее состязание на самого «крутого» виртуоза. Начались чудеса водной акробатики: ныряли с борта спиной, «ласточкой», кувырком, вниз головой и стоя прямо. Стоящие рядом подзадоривали шутками и криком, награждая ныряльщиков то аплодисментами, то смехом. Это было захватывающее зрелище. Кто-то снимал прыжки на камеру, но таковых было мало: азарт был так велик и непредсказуем! В толпу, никем не замеченный, тихо вошел капитан. «Мастер не выдержал!» – воскликнул кто-то из команды. В этот самый момент боцман забрался на фальшборт и покрутил кистями рук.

– Эх, руки от карт устали, – хохотнул он, обернувшись назад. – Раньше со стойки мог, теперь уже не тот, давно это было! Он уперся ладонями в планшир, резко приподнялся на руках и, быстро перекинув весь свой корпус через голову, полетел в воду солдатиком.

– Дракон дает! Правда, раньше дольше стоял на руках! – заключил кто-то из стоящих рядом матросов.

– Так раньше мы все дольше стояли! – хохотнул его сосед.

Капитан подошел к борту, сбросил тельняшку и шорты прямо на палубу и, поразмяв кисти рук и ноги, вскочил на фальшборт.

– Неужели прыгать будет? Никогда его за этим делом не замечал! – признался молодой парень-механик.

– А за каким ты его замечал? – громко фыркнул моряк постарше. – Молодой еще, не то увидишь! Я с ним на рыбаках ходил. Тот еще был!

Меня почему-то смутил вид полураздетого капитана. Он был хорошо сложен и моложав, но, стоя на фальшборте на виду у всех, он приковывал особое внимание, раскачиваясь в такт волн на фоне горизонта. Он показался мне каким-то неприлично привлекательным, и я опустила глаза в пол. «Пусть бы уж бесилась молодежь, – думала я, – все же он уже не в той категории!» Капитан чувствовал прикованные к себе взгляды и не спешил прыгать в море. Он стоял, точно в раздумье, разглядывая скачущие внизу под бортовой скулой судна волны.

– Что, мастер, тоже руки затекли от карт и штурвала? – поддразнил его вылезший из воды по трапу боцман.

– Да не от карт, как сам понимаешь! – хмыкнул в ответ капитан. Моряки загоготали. Когда внимание окружающих слегка ослабло за шутками и разговором, капитан внезапно исчез, просто испарился в воздухе! Все замерли, а затем бросились к борту. Ни звука, ни всплеска: вода бесшумно приняла своего! Черная тень от борта парохода очертила на морской поверхности неподвижную полуокружность, лишь бледный опаловый свет едва мелькнул в глубине изумрудной бездны.

– Теперь жди его с другого борта! – слышался возглас из толпы.

– Думаешь, поднырнет? Пароход-то большой!

– Под килем вряд ли! На рыбаках нырял! А здесь – не знаю! С того края кормы, под транцем – может!

– Там на юте, внизу, на грузовой палубе тоже спущен штурмтрап. Пойдем, посмотрим, может, он уже на борту?

Я побежала в числе первых к другому борту. Какое-то время все ждали. Кто-то ринулся вниз. Но уже в следующий момент капитан, как тюлень, выпрыгнул на поверхность моря и стал подниматься по трапу.

– Как оно там? – крикнул кто-то из команды сверху. – Какова водичка под килем?

– Под килем – не знаю, а здесь у трапа – отличная! – улыбнулся в ответ капитан. Он выбрался под навес нижней палубы и направился вдоль борта к двери.

– Пусть кто-нибудь занесет мне одежду в каюту! – крикнул он и исчез в дверном проеме. Мокрый, он уже не стал подниматься на корму. Один из моряков подхватил лежащую на палубе одежду капитана и позвал молодого матроса: «Витек, отнеси мастеру!» Парень с готовностью взял сверток и бегом поднялся по трапу наверх. Я поймала ироничный взгляд Андрея: «Не тому поручили!» По палубе, завернутая в полотенце, прошла блондинка. До этого она вместе с двумя другими девушками-студентками плескалась у спущенного в воду трапа. Андрей игриво начал сдергивать с нее покров.

– Красивая девушка! – заметил один из команды. – Хорошо бы ее на часок на чаек-кофеек пригласить!

– Тут без и тебя обойдутся с кофейком! Ничего девчонка, простая! Я утром с ней на палубе поболтал, когда рыбу ловил – симпатичная! Многие тут ее «склеить» хотели. Но кэп не для нее под пароход сиганул. Там стерва похитрей, покруче! Весь пароход на себя тянет. Вот и он... туда же!

Не знаю, может, они имели в виду кого-то с камбуза, но мне стало не по себе. Я поспешила в каюту переодеться к торжествам, сожалея, что так и не смогла поплавать в море. Пропитанный свежестью морской воды, народ разбрелся по каютам и душевым.

В полдень состоялся расширенный научный семинар. Выступил шеф с коротким докладом о ходе экспедиционных работ. Отчитались о результатах второго этапа начальники отрядов. Андрей, как всегда, был бесподобен: красноречив и убедителен. Потом убрали все эти

графики со стен кают-компания, и пошла подготовка к торжественной части праздника. Начальство задержалось в трапезной, а мы повалили в столовую.

После обеда все снова собрались в кают-компанию, и торжества начались. Народ рассаживался на стульях, выставленных рядами перед небольшой сценой. Там затевалось действо! Я обычно выбираю место подальше от сцены и поближе к проходу. Всегда пропускаю элиту вперед. Даже моя белокурая конкурентка оказалась впереди, на третьем ряду, на виду и поближе к начальству. Наверное, я не командный игрок – тяну одеяло на себя, а может, и весь пароход, как заметил тот член экипажа. Болезнь роста, иначе не выжить, затопчут. Всю жизнь придется подавать начальству кофе! Никто не был заинтересован в моей защите. Сколько таких – поиграли и бросили под натиском обстоятельств. Полигон на разломе в этом рейсе вообще не планировали. Шеф сдался под моим натиском в результате скандальной статьи. У него не оставалось выбора: уничтожить мои слабые доводы получением новых данных или подтвердить резонанс научной гипотезы. В любом случае провал мероприятия достанется мне. Успех – обоим! К тому же шеф, как и многие руководители научных тем, уже сделал свой выбор в пользу хорошо оплачиваемых индустриальных проектов. Кого в наши дни волнуют академические исследования? Нашей лаборатории светил заманчивый проект совместно с крупной нефтяной фирмой. Переговоры шли давно и, по всей видимости, стали обретать реальные перспективы. Отсюда возник и некий гонор со стороны участников будущего проекта. Я была в стороне. Так, сидя на стуле в углу зала, я размышляла о своей дальнейшей стратегии.

В это самое время в кают-компанию вошел капитан. Он был при параде: в белом кителе со знаками отличия на груди, выбрит, темен от загара и... красив. Он легко вбежал на небольшую сцену у стены с картиной штормового моря и поздравил всех с Днем рыбака. Он и сам когда-то начинал свою карьеру в рыболовецком флоте. Потом он работал на транспортных и пассажирских судах и, как говорят, имел «затемнение» в карьере. В научные рейсы он ходит не так давно, и здесь у него безупречный статус опытного капитана! Прозвучали слова о нелегком труде рыбаков, забавная история времен юности и несколько шуток на тему дня, подогретых моряками, сидящими в зале. В заключение он коротко описал предстоящий маршрут последнего этапа рейса и пожелал нам всем идеального штиля. Потом он сошел со сцены и подсел к штурманам и старпому, сидящим в первом ряду.

Начался концерт самодеятельности. Там было все, что надлежало пережить сидящим в зале: песни, пляски и частушки на «злобу дня», комические сценки на палубе и стихи судовых поэтов. Видно было, что многие номера были хорошо отработаны в силу частой повторяемости на борту из рейса в рейс. В заключение выступили наши студенты и Андрей с какой-то новой песней. Мне было смешно его слушать. Он расстегнул ворот рубашки, уселся на высокий табурет, уперся ногой в подставку, как заядлый гитарист, подтянул брючину, обнажив изящный носок, уходящий вглубь почти до колена, встряхнул шевелюрой и, подстроив гитару, запел. Если бы я не знала Андрея, то могла бы подумать, что это исполнитель легкой пародии – соло на гитаре с голосом: переборы струн и подтягивание изначально неверно взятых нот к надлежащему звучанию могло означать, что в тот момент он уже был слегка пьян. Все, что мне действительно запомнилось в его выступлении – это его красивые носки! И он считает себя гитаристом! Настоящие гитаристы вообще не носят носков. У них их просто нет! Они рождаются в бедных кварталах, и умение хорошо играть на гитаре – их единственный шанс выжить! В остальных случаях вообще нет смысла брать в руки этот инструмент. Впрочем, это касается любого ремесла.

Тем не менее, песнь Андрея взволновала зрителей. Аплодисменты! Это же Андрей! Я тихо выскользнула из зала, еще до окончания концерта, и решила зайти в каюту выпить чаю. По дороге меня перехватили ребята из другого отряда, и я просидела у них довольно долго, пока не вспомнила о намеченном застолье на корме. Опыт прошлой вечеринки не вдохновлял меня к слиянию с коллективом, и я продолжала праздновать День рыбака на свой манер. Позднее я

все же решила заглянуть в лабораторию. Там была обычная публика: Андрей, студенты, другие сотрудники. Вслед за мной в комнату зашел и подвыпивший шеф.

– Ну, как вам сегодняшнее ток-шоу капитана? – иронично спросил Андрей.

– О, бедный, бедный Чарли, трусы твои из марли... – пропел шеф и направился к столу.

– Вадим Борисович, здесь же дамы! – продолжил клоунаду Андрей.

– А что, здесь заморские принцессы, что ли? Да они еще и не такое поют! А эта песенка из детства! Во дворе слышал, вот и заучил! Никогда не думал, что пригодится.

– Трудное у вас было детство! – посочувствовал кто-то из мужчин.

– Нормальное было детство. Здоровыми росли! Не то, что сейчас! Понятия не имели, что такое депрессия.

– Оно и видно. Так по герою дня прошлись – девчонки прямо дар речи потеряли!

– А что я такое сказал? Это сегодня на палубе все женщины падали без чувств! Глаза поднять не смели!

Тут он бросил взгляд в мою сторону.

– А чем там закончилась история с Чарли? – полюбопытствовал Андрей.

– Чем-чем! Известно, чем! – мрачновато буркнул шеф, очевидно досадуя на свою промашку. – От широты души изрек!

Я поняла, что куплеты так просто не кончатся. Мы все носим тяготы детских воспоминаний. Но чтобы так затянулось!

Я вышла из лаборатории. По окончании праздничной программы в кают-компании устроили вечер танцев. Мелькнула мысль, не пойти ли потанцевать? Но я решила, что лучше пройтись по палубе и постоять где-нибудь в уединении, наслаждаясь свежестью вечернего бриза. Я прошла вдоль борта немного вперед в носовую часть парохода. Там обычно бывает меньше народу – не принято мелькать без дела перед рулевой рубкой, поэтому я не стала заходить слишком далеко на палубу и примостилась сбоку, слегка облокотившись на фальшборт. Отсюда открывался дивный вид темнеющего в сумерках моря. Линия горизонта медленно таяла в синеве. Вдали мелькнули огни проходящего мимо парохода. Было трудно определить, идет ли он нам навстречу или следует в том же направлении. Чувство близости других, незнакомых мне людей, затерянных, как и мы, в необъятном пространстве водной стихии, охватило меня с необъяснимой силой. Кто они, куда держат путь? Я вдруг четко увидела силуэт человека, мужчины, так же одиноко стоящего на палубе и разглядывающего в сумерках наш пароход. Я почувствовала почти физическую близость его присутствия. Я стала сканировать его внутренним взглядом. Так сейсмический датчик подводного прибора ловит отраженный сигнал от поверхности дна. Незнакомец стоял, опершись локтями на планшир, в чем-то светлом, в рубашке или ветровке. Он слегка опустил голову, погрузив часть лица в отворот воротника. «Никогда мы с ним не встретимся!» – с грустью подумала я, провожая взглядом тающий силуэт парохода, пока не начали тускнеть его бортовые огни. «Счастливого тебе плавания, не встреченный герой! Приходи и ты ко мне в открытую дверь, когда захочешь! Найду чем тебя угостить!»

Я уже собиралась вернуться в лабораторию. Работ в этот вечер не было. Народ отдыхал, но показаться на месте все же стоило. На прощание я бросила взгляд на мостик. Там, на верхней палубе, стоял капитан с третьим штурманом. В руках у него был бинокль – очевидно, он тоже наблюдал за проходящим мимо судном.

«Высоко забрался мастер! – усмехнулась я про себя. – Выше находится только Плутон!»

В лаборатории еще толпился народ. Шеф был среди прочих.

– Погода меняется, штормит! Закрепите на всякий случай приборы и уберите посуду в шкаф! Сутки на переход, а там, если проскочим шторм, начнем работы. Не хочется делать поворот и менять курс из-за погоды, потеряем время, ну, часа через два видно будет. Если волнение усилится, придется свернуть к югу. Тогда пропадут наши северные профили на разломе,

а жаль! – Такую тираду выдал шеф при моем появлении. Он уже протрезвел после праздника, был мрачноват и песен про Чарли больше не пел. Он еще походил по комнате, высматривая, что еще нужно закрепить при усилении качки, и распрощался со словами: «Проследите, чтобы все было в порядке. Работы сейчас нет, но все же кто-то должен оставаться в лаборатории на случай усиления штормовой обстановки и возможного изменения курса. Записывайте координаты в журнал, держите связь с эхолотной и штурманской! Я попозже, может, зайду, вряд ли сегодня ночью удастся заснуть!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.